

Драко

Девятая линия

Фантастический роман

...И ЕСЛИ ЕСТЬ ТЕ, КТО ПРИХОДЯТ К ТЕБЕ,
НАЙДУТСЯ И ТЕ, КТО ПРИДЕТ ЗА ТОБОЙ...
(НАУТИЛУС)

Пролог

В капле холодной, набухшей на острие сталактита мутно– желтой воды, отражалась свеча. Их сохранилось мало. Вскоре погаснет последняя и душная,

давящая темнота подкрадется вплотную.

Она уже шевелилась в высоте, облаком зловония под сводами, вытягивала щупальца, сторонилась пятен света, прыгала от тени до тени. На что похожа смерть? Разве не так же, от тела к телу, скачет она на поле брани, избегая живых и жадно лакая кровь раненных?

Волшебник помедлил. Губы тронула слабая улыбка: хищница– смерть... Достаточно яркий образ. Можно использовать в дневнике. Придвинув свечу, волшебник обмакнул перо и вывел на чистой странице: «Сорок шестой день, ближе к вечеру. Продолжаем спускаться в недра Зиндана. Отрыв от преследователей увеличивается, ночами мы уже не слышим их криков. С каждым часом нас все меньше и меньше. Смерть, как гиена, крадется за отрядом, выхватывая ослабевших. Сегодня она забрала нашего последнего единорога. Звали его Неферрах, и кроме имени мне ничего о нем не известно. Встретимся ли мы еще раз, в следующей жизни? Узнаем ли друг друга? Кто теперь осветит нам путь, как идти дальше? Во имя чего бороться за жизнь? Я начинаю сомневаться...»

– Мастер, – подошел грязный, покрытый копотью солдат с глубоко запавшими свиными глазками на плоском лице. – Мы нашли родник. Выпейте чистой водицы.

Волшебник поднял голову.

– Родник, здесь?

– Повезло, – весело заметил солдат. – Должна ведь госпожа удача, хоть изредка, смотреть и в нашу сторону?

– Удача слепа, Озрик, – волшебник тихо покачал головой. – Прости. – А хоть и слепа, – солдат оскалил неровные желтые зубы. – В погребе и слепая баба за год нащупает коромысло...

Волшебник вымученно улыбнулся и принял у воина шлем, полный чистой, прохладной воды. Пригубил, зажмурился от наслаждения. – Добрый знак.

– Да какой там знак... – Озрик махнул рукой. Огляделся, подступил на шаг ближе: – Мастер, помните кривого Ахмеда Гургана, у него еще бородавка на щеке, и борода рыжая? Помните?

– Шарлатана, именующего себя магом? – волшебник сдвинул брови. – Прекрасно помню. Что он учудил на сей раз?

Солдат вздохнул.

– Ахмед распускает слухи. Пугает молодых. Говорит, Зиндан подобен спирали, замкнутой на себя, и ступившему под его своды можно навеки прощаться с солнцем. Еще он твердит, что близится конец Вселенной, и если мы не повернем, вскоре нас поглотит вечная тьма, грызущая корни Земли... – Передай Ахмеду, что умные слова не сделают его умнее, – сухо сказал волшебник. – У Земли нет корней, она подобна колоссальному шару, парящему в пустоте. А Зиндан огромен, кто спорит, но мы найдем выход. Разве не чувствуешь, что в последние дни стало прохладней? Наковальня Ургаша осталась позади, вскоре путь завернет вверх. Скажи всем: не пройдет и недели, как мы увидим солнце!

Лицо Озрика просветлело.

– Ну, мастер, уж коли вы так говорите, я спокоен. Пойду, обрадую людей... – он утер со лба пот и, грузно ступая, скрылся во тьме. Волшебник с болью зажмурился.

«Зачем я солгал?» – подумал он. – «Ради чего зажег в них надежду?» Желание дописывать дневник угасло. Поднявшись, волшебник бережно задул свечу и запалил магический огонек на конце посоха. Света он давал немного, но факелы требовалось беречь.

Медленно, устало, маг приблизился к каменной стене. Влажная скала убегала ввысь, растворялась во тьме. Не в первый раз волшебник задумался, кем были неведомые, что обитали в черных гротах Зиндана задолго до дня, когда боги создали первых людей. Даже в обычных пещерах, там, наверху, изредка встречались странные примитивные рисунки; здесь же, в глубинах Зиндана, похоже, древние жили как в городе.

Сюжеты их картин часто повторялись и не отличались фантазией – сцены охоты, поклонения солнцу, изображения животных. Но иногда – очень редко – встречались подлинные шедевры. Один из самых замечательных находился как раз здесь, в ответвлении главного зала, куда волшебник удалился чтобы в тишине продолжить дневник.

Рисунок был крупным, в рост человека. Изображал он гигантское, сходное с дубом дерево, столь огромное, что Солнце и Луна висели на ветках, как шишки.

Вокруг были крестиками показаны звезды; древний художник отличался талантом, и сумел в нескольких штрихах передать масштабы. Однако дерево всего лишь создавало фон для картины. С бесконечным терпением, кропотливо, доисторический художник изобразил сотни человеческих и звериных фигурок, в отчаянии цеплявшихся за ветви. Снизу, от влажного пола пещеры, поднималась ярко– рыжая, жестоко исчерканная поперечными полосами масса, которая могла быть только океаном огня. Десятки тел бессильно колыхались на волнах, несколько фигурок вниз головой падали в смерть, рисунок будто остановил время, выхватив самое жуткое мгновение перед общей гибелью. Картина была столь динамична и жестока, что волшебнику слышались вопли сторающих заживо. Что за катастрофу зарисовал древний живописец? Когда это было? Время едва ли даст ответ. Судя по масштабам дерева, в огне тогда гибли целые народы, и скорее всего рисунок отражал легенду, а не истинное событие. Однако волшебник видел другие картины древних, и разница была колоссальной. Такие детали, как здесь, зарисовать можно лишь по памяти... Маг протянул руку и осторожно коснулся скалы. Чуда не произошло, огонь так и остался выцветшей краской рыжего цвета. Но стоило волшебнику дотронуться до камня, по всему гроту прокатилась едва уловимая, почти за гранью чувств, волна жара. Потрясенный человек отпрянул. На обдумывание невероятного события времени уже не осталось; волшебник всей душой, всем своим естеством ощутил приближение черного ужаса. Кто–то или что–то, невообразимо жуткое, бесконечно могущественное и абсолютно безжалостное, поднималось из глубин. Как стена ледяного мрака. Как поверхность звезды, чье пламя умерло бесконечно давно. Как последний взгляд утопающего.

В лагере тоже почувствовали; поднялся шум, волшебник расслышал крики солдат и визг пещерных ящериц. Он узнал многие голоса. Смелый и честный Реджи О'Коннел пытался собрать вокруг себя рыцарей, опытный Енгазан деловито отдавал приказы кочевникам. Озрик, не успевший даже дойти до лагеря, грязно ругался на бегу, какой–то пожилой минотавр с ревом вращал секирами, пытаясь отпугнуть надвигающуюся смерть. Последний выживший грифон, схватившись лапами за голову, катался по земле: давление тьмы на пернатых сынов солнца было наибольшим. Инквизитор Лазарус громко молился Элроту, вместо того чтобы стать в

строй вместе с другими. Волшебник даже успел различить смачный звук удара, когда Енгазан сбил священника с ног.. И навалилась темнота.

Это не было похоже на смерть – как представляют смерть те, кто не умирал. Тьма, густая, ужасно холодная масса, проникала под кожу и крошила кости прямо внутри тел. Без боли – совсем без боли, и становилось еще страшнее: сознавать, что тебя перемалывают в муку, и ничего не чувствовать. Волшебник еще успел удивиться, каким прочным оказалось сознание, но тьма уже окутала его целиком.

С дерева на картине несколько новых фигурок сорвалось в огонь.

Глава 1

Сквозь ровный шелест дождя донесся посторонний звук. Открыв глаза, Файзил увидел бурный грязевой поток, с шумом пересекавший путь. Очевидно, ливни, бушевавшие последнюю неделю, смыли земляной холм на правой обочине.

Футах в сорока от повозки, посреди бушующего потока, на голом камне стоял промокший до нитки эльф и с надеждой смотрел на Файзила. Тощий – кожа да кости, нос с горбинкой, блеклые желтые волосы, нерешительная улыбка. Лицо эльфа украшала традиционная татуировка школы Дангэана, поперек груди тянулся кожаный ремень, удерживавший массивный, в рост человека боевой лук с двойной тетивой. Файзил внезапно подумал: а забавно поглядеть – бросит ли остроухий святое для его родичей оружие, когда грязевой поток захлестнет камень, или честно утонет, сохранив лицо... – Здесь не так уж плохо, господин, вам незачем беспокоиться! – крикнул эльф. С того места, где он застрял, допрыгнуть до берега не сумела бы и антилопа.

Файзил тронул поводья. Тяжелый фургон, с плеском и бульканьем въехав в поток, остановился напротив бедняги. Эльф бросил на человека благодарный взгляд.

С присущей его сородичам грацией, лучник перемахнул широкую полосу

грязи и, с облегченным вздохом, забрался на козлы. Файзил подвинулся, давая ему место; благо, места требовалось мало. Эльф с признательностью наклонил голову.

– Когда мудрейшего из мудрых, бесподобного Сар– аз– Задыка, спросили, есть ли на свете нечто большее, чем Вселенная, он ответил «глупость», – задумчиво произнес Файзил. – Одинокие эльфы, гуляющие по диким местам в такую погоду, воистину прославляют его слова. – Я тут живу, – отозвался эльф. Заметив усмешку попутчика, развел руками: – Конечно, не прямо здесь, господин. В Акхенире. Гулял по лесу, прилег отдохнуть...

– ...и проснулся в воде, – закончил Файзил. – Во имя разума, раньше я полагал что избранные Силанны чувствуют приближение грозы. – Чувствуем... иногда, – с некоторой досадой буркнул эльф. Файзил рассмеялся, трогая фургон с места. Широкий навес над передней скамьей защищал от дождя, высокие колеса берегли от брызг, так что даже посреди ливня в повозке было относительно сухо. Неожиданный попутчик прогнал хандру, Файзил ощутил, как к нему возвращаются радость жизни и энергия. Пожалуй, в его возрасте одиночество пора считать ядом... Расправив плечи, Файзил всей грудью втянул кристально– прозрачный, очищенный дождем воздух.

Природа вокруг отличалась первобытной дикой красотой. Гор поблизости не было, лишь невысокие холмы да пара скалистых хребтов на грани видимости. Обилие деревьев и пышная, нетронутая косами трава, свидетельствовали о малой населенности; и действительно, покинув пять дней назад Восточный тракт, за все время пути на юг Файзил ни разу не встречал деревни серваров. В маленьком святилище Малассы, о котором никто уже и не помнил, старик– жрец рассказал, что в здешних местах имелся лишь один провинциальный городок Акхенир, куда и вела размытая слякоть, незаслуженно именуемая дорогой. Удивительный клочок дикости посреди стремительно обживаемого мира.

– Вне дорог и вне селений, за чертою всякой жизни, ждет печальный темный ворон, не умеющий летать...

– Встречи с ним не избежать, – закончил эльф, и Файзил бросил на спутника заинтересованный взгляд. Тот, улыбнувшись, пожал плечами. – Остатки классического образования.

– Bravo, bravo...

Вздымая копытами вулканы грязи, могучие кони уже выволокли фургон из бурного потока и, не спеша, с достоинством, продолжили трусить по дороге. Совершенно черные, без единого светлого пятнышка, они отличались удивительно флегматичным нравом и давно привыкли к причудам хозяина. – Будем знакомы, – Файзил протянул эльфу руку. – Файзил– и– Шериф аль Халами уль Сагари ибн Сар–Фаррах аль Халами ибн Сар– Азиз аль Сагари уль Хатшеби, да пребудет с ними мудрость в каждой из шестисот граней Вечности. А это... – он кивнул на грязного, растрепанного, очень несчастного на вид грифона, сидевшего в фургоне, – ...мой телохранитель. Он довольно странный, так что ничему не удивляйся.

Грифон уныло буркнул «угу» и спрятал голову под крыло. Эльф бросил на животное изумленный взгляд:

– Оно говорит?!

– Почти, – Файзил усмехнулся. – Кроме «угу» я ничего не слышал.

Эльф, передернув плечами, вздохнул и обернулся к попутчику. – Я Тинфалан, вольный лучник, – представился он. – Вы не похожи на мага, господин.

Файзил фыркнул.

– Во имя разума... Истинно говорят, напиши на лбу «святой» и обретешь благодать. Если б я ехал на громадном слоне, в сопровождении рабов и наложниц, под звуки тандуров и звон бубенцов, в твоих глазах это прибавило бы мне знаний?

– Простите мою бестактность... – эльф опустил взгляд. – Прощаю, – Файзил пожал плечами. – Разве всякий, рожденный в Серебряных Городах, обязан путешествовать как падишах? Я не столь богат, чтобы кормить слона. Терпеть не могу этих прожорливых тварей. К тому же, скажу по секрету... – он подмигнул, – ...выследить слона по запаху даже легче, чем демона.

Тинфалан неуверенно кивнул.

– Понимаю...

– Я еду в Акхенир, – заметил Файзил. – Составишь компанию?

Эльф развел руками.

– Конечно, господин, можете на меня рассчитывать, – он поднял тонкое лицо к небу, сузил изумрудные глаза. – Скоро ночь, а силы ваших коней, как я вижу, на исходе. Вы не успеете сегодня добраться до города.

Файзил кивнул:

– Согласен.

– Возможно, мне не следует этого говорить... – Тинфалан облизал губы. – Простите, если лезу не в свое дело, но я не заметил ваших сопровождающих. Один грифон, а теперь и я – мы слишком маленький отряд для здешних краев. Пока кони способны двигаться, не лучше ли укрыться в лесу? – эльф кивнул на хмуро темневшую за пеленой дождя стену из чахлах деревьев. – Видите ли... Всего час назад здесь проезжал некромант, думаю, вы тоже ощущаете вонь его следов.

Файзил покачал головой.

– Благодарю за предостережение, его–то я и преследую. – Преследуете? – удивленный эльф оглянулся, надеясь увидеть солдат, оставших от фургона. – Всего с одним грифоном? Файзил криво усмехнулся.

– Надо ж хоть кого–то тащить за собой. Где ты видел доминаров, путешествующих в одиночку?

– Нигде... – растерянный Тинфалан покачал головой. – В том–то и беда, – едва слышно пробормотал Файзил. Вздохнув, он потянулся, на мгновение выпростав из широких рукавов халата запястья, украшенные черной татуировкой в виде нескольких переплетенных змей. Глаза Тинфалана округлились.

– О– о! – эльф отшатнулся. – Господин, простите мою болтливость, я и представить не мог, что встречу магистра всех четырех ма... – Уймись, – резко оборвал Файзил. – Я простой человек, Тинфалан, и каста не делает меня достойнее или выше тебя. А знания... Поверь, иногда без них лучше.

Он умолк и передернул плечами. Уставшие кони медленно трусили по дороге, запас их сил подходил к концу. Дождь лил так, будто в облаках отряхивались тысячи потных минотавров, порывы холодного ветра бросали под шляпы путешественников целые россыпи ледяных брызг. Ночь заступала в свои права и небо быстро темнело.

– Нет ли поблизости деревеньки, или мельницы, где можно заночевать? – спросил Файзил. – На моей карте ничего не отмечено...

Эльф закивал:

– Есть, есть! Видите утес, там, к западу? Лесистый такой, похожий на гриву?

– Вижу, – Файзил прищурил глаза. – Там, кажется, горит огонек. – Утес

называется Аэнка'ма'сианна, – сообщил эльф. – А огонек, что вы заметили, горит в окне у старой отшельницы, чьим именем назван утес.

Файзил оживился:

– Лесная колдунья?

– Да... – слегка смущенно отозвался Тинфалан. – Но такая старая, что никого не узнаёт. Нас она даже не заметит и будет тихо сидеть у очага, вязать одеяла. Путники часто пережидают непогоду в ее доме. Файзил задумчиво огладил бороду и бросил взгляд на грязную дорогу, где струились потоки жижи с земляного холма. Идти пешком? Кони до утеса не дойдут, придется ночевать в фургоне посреди ливня. – Век не отмоешься... – пробормотал маг. – Шайтан... Вздохнув и покачав головой, он вытащил из-за пазухи маленькую колдовскую книгу в металлическом переплете с сапфирами и склонился над ней, закрывая от дождя. Тинфалан с удивлением наблюдал. – Что вы де...

Закончить фразу он не успел, так как Файзил нашел нужное заклинание, выпрямился и беззвучно произнес волшебные слова, повелительно указав тремя сложенными пальцами на далекий огонек. В тот же миг пространство вокруг фургона слабо заискрилось, эльф ощутил тошноту – а в следующее мгновение фургон тяжело бухнулся на траву рядом со старым, покрытым плющом домиком, примостившимся в развилке ствола колоссального мертвого дерева. Кони, видимо привычные к таким прыжкам, лишь недовольно всхрапнули. Файзил бережно спрятал колдовскую книгу за пазуху и оглянулся на потрясенного эльфа.

– Не ожидал? – спросил он с легкой усмешкой.

Тинфалан встряхнулся, приходя в себя. В его узких зеленых глазах до сих пор отражалось изумление.

– Но ведь у коней почти закончились силы, как же вы...? – робко спросил он.

– Заклятие шестого круга, друг мой, шестого, – рассеяно отозвался Файзил.

– А такие бывают?

– Во имя разума, мог бы я пользоваться тем, чего не существует? – Файзил упер руки в бока. – Надеюсь, ты понимаешь, что о таком не следует трубить направо и налево. Один мой знакомый ракшас, когда ловил оленей в королевских заповедниках, всегда, прежде чем свернуть им шеи, вежливо просил: «пусть это

станет нашим маленьким секретом», – Файзил усмехнулся.

Эльф почтительно наклонил голову:

– Я все понял, господин.

– Схватываешь на лету!

Файзил спрыгнул на землю, с наслаждением потянувшись после целого дня в дороге. Принюхался. – Ва– а... Теплый очаг, горячая пища, славный иролланский нектар. Можно ли мечтать о лучшем завершении дня? Тинфалан сглотнул.

– Я... Проверю, как там старушка...

– И позаботься о конях, – заметил Файзил. – Сегодня они славно потрудились. Да, смотри грифона не корми: он что–то совсем вялый стал, пусть будет злее.

Из кузова донесся грустный вздох, на что маг не обратил внимания. Он уже предвкушал отдых в тепле.

Эльф не солгал; старая колдунья действительно не заметила гостей. Маленькая, сухонькая, она сидела в кресле– качалке прямо перед очагом и что–то неумоимо вязала сразу шестью спицами. Пол единственной комнаты в домике украшал старинный, протертый до дыр ковер, в углу стояли две низкие кровати, в центре – шестиугольный стол и несколько табуреток. Мальчишка– сервар, лет десяти на вид, при виде Тинфалана улыбнулся было, но оробел, заметив в дверях массивную фигуру Файзила. – Пожалуйста, господа, проходите к огню... – засуетился он, опомнившись.

Эльф потрепал его по голове.

– Местные жители любят Аэнку, помогают чем могут, – заметил он Файзилу. – Сервары твердо верят, что в старушке еще сохранилась магия, и зло обходит стороной их деревни лишь благодаря ей. Файзил с усталым вздохом присел на кровать и, морщась от боли, стащил сапоги. Озабоченно оглядел покрасневшие, стертые до мозолей ступни. – Заметь, – сказал он в пустоту. – Мы, маги, способны одним словом обратить в пепел сотню живых существ, натравить брата на брата,

заморозить живьем или насадить на колья целый отряд, но даже сами себе не можем врачевать пустяковые раны...

Файзил обернулся к притихшему эльфу:

– Как думаешь, сколько заклятий известно магам высших Кругов?

Тинфалан присел на табуретку и задумчиво сцепил пальцы.

– Наверно, несколько сотен?

– Сорок четыре! – жестко сказал Файзил. – А сколько из них несут исцеление, а не смерть?

Эльф промолчал. Маг тяжело покачал головой.

– Можешь не гадать. Одно. Одно из сорока четырех.

Тинфалан опустил взгляд.

– Мы живем в трудное время...

– А когда оно было легким, а, эльф? – с неожиданной злобой спросил Файзил.

Тинфалан промолчал и маг, махнув рукой, улегся на кровать спиной к очагу. Некоторое время в домике царила тишина, нарушаемая лишь треском поленьев; мальчик жался к старушке и тревожно поглядывал на странных гостей, эльф молча смотрел в огонь. Наконец, он встряхнулся и встал, чтобы снять мокрую зеленую рубаху.

– Вы будете ужинать, господин? – спросил он негромко.

Файзил фыркнул, не повернув головы:

– Прежде, чем ужинать, следует завтракать и обедать... – он тяжело вздохнул. – Так что, я буду просто есть.

Маг с кряхтением приподнялся и сел на кровати, положив руки на колени. Его мокрый синий халат, украшенный звездами и туманностями, в мерцающих отблесках пламени казался черным. Файзил был высоким, чернобородым мужчиной лет сорока, очень крупного телосложения, дородным, слегка полноватым, но ширина плеч скрадывала излишние детали. Рядом с Файзилом, грациозный эльф выглядел скелетом, особенно сейчас, без рубахи, когда под бледной кожей было заметно каждое ребро.

Некоторое время маг, молча, ссутулившись, сидел на краю кровати. Казалось, его тянет к земле невидимый груз величиной с гору. Тинфалан, не решаясь тревожить

чародея, отошел к камину. Файзил краем глаза следил, как эльф расстегнул цепочку и снял с шеи маленький овальный медальон. – Семья? – внезапно спросил маг. Тинфалан вздрогнул, затем, после легкой заминки, кивнул.

– Жена. Прядь волос на счастье... – эльф грустно улыбнулся. – Традиция, господин.

– Дети есть?

– Пока нет. Мы поженились недавно, для того–то я и... – эльф запнулся, но все же dokonчил: – ...переехал в Акхенир.

Файзил усмехнулся.

– Конечно, здесь, в глуши, можно прожить целую жизнь, так и не встретив доминара, ищущего солдат.

Тинфалан ответил не сразу.

– Я достаточно повоевал на своем веку, господин, – сказал он наконец, после долгой изнурительной паузы. – Двадцать три года. Я участвовал в шести походах. Все мужчины из нашего клана, кто нанялся на службу вместе со мной, уже погибли. В Дангэане у меня не осталось даже знакомых, дома я чувствую себя большим чужаком, чем здесь, в чужой стране и среди чужого народа. Это трудно понять... аэл'лас.

– Не стану и пробовать, – отозвался маг.

– Просто хотел, чтобы вы не считали меня трусом или сломленной душой.

Файзил качнул головой:

– Мне чужды подобные мысли.

Они помолчали. Мальчик– сервар, тем временем, уже притащил из погреба кувшин с вином и большую овсяную лепешку. Файзил, вздохнув, порылся в складках своего широченного пояса и звякнул о стол тяжелой золотой монетой.

Мальчик смутился:

– Господин, у нас не трактир...

– Бери, бери, – буркнул маг. – Припасы везде денег стоят, а мы ввалились без приглашения... Эльф, садись, поболтаем, – Файзил кивнул на табурет. – Ночь впереди длинная.

Тинфалан легонько поклонился и занял предложенное место. Маг разодрал

лепешку на два равных куска; некоторое время они с эльфом молча ели, запивая кисловатым деревенским вином. Мальчик сидел на ковре рядом со старой колдуньей и грелся у очага. В сторону гостей он старался не смотреть, чтобы те пореже о нем вспоминали – привычка, вбитая в большинство крестьян бичами господ.

– Итак? – заметил Файзил, когда последние остатки лепешки безвозвратно исчезли. – Спрашивай.

Тинфалан вздрогнул.

– О чем, господин?

– Тебе ведь не терпится знать, зачем такой маг, как я, потащился в вашу глушь.

Эльф невольно улыбнулся.

– Любопытство свойственно только людям, господин. – Не только, – буркнул Файзил. Он опустил голову, помолчал. Тихонько повторил: – Не только...

Встряхнулся, вскинул глаза:

– Что ж, поскольку ты, в отличие от людей, любопытством не страдаешь, ответь– ка на один вопрос... – Файзил улыбнулся. – Я, видишь ли, человек, и мне любопытно: каким образом ты оказался на камне в центре грязевого потока?

Тинфалан развел руками.

– Я просто гулял по лесу, когда началась гроза... – Ты, конечно, хотел сказать, что уснул на прогулке? – маг прищурил глаза.

Эльф замешкался, но быстро пришел в себя и кивнул.

– Так и есть. Было жарко и душно, как всегда перед грозой...

– ...которую ты даже не ощутил? – с насмешкой в голосе спросил Файзил. – И умудрился заснуть на голом камне посреди дороги, и не просыпался, пока тебя чуть не смыло! Во имя разума, я был лучшего мнения об эльфах. Тинфалан промолчал. Маг, вздохнув, положил руки на стол и слегка подался вперед:

– Дай– ка я сам расскажу. Не знаю, гулял ты в лесу или делал что иное, как вдруг нос к носу столкнулся с некромантом. И никогда бы ты от него не спасся, если б не вспомнил, что нежить не способна пересечь текущую воду. Эльф опустил голову.

– Вы проницательны, господин.

– Поживешь с мое, и поглядим... – неопределенно отозвался Файзил. – Что ж

он в тебя не стрелял? Или с ним лучников не было? Тинфалан вздохнул.

– Были. На счастье, их спугнули раньше, чем они до меня добрались.

– Спугнули? – удивился Файзил. – На Скелтара не похоже...

– Скелтар?

– Так зовут некроманта, что, трудно догадаться? – раздраженно заметил маг.

Эльф сжался.

– Простите, господин. Думаю, некромант не стал на меня отвлекаться, он был напуган и очень спешил, – Тинфалан вздохнул. – За колдуном гонитесь не только вы.

– Знаю, – Файзил в задумчивости огладил бороду. – Почему скрыл правду?

Устыдился, что тебя, опытного воина, злая собака загнала на дерево?

Тинфалан, вспыхнув, отвел глаза. Файзил усмехнулся. – Нечего тут стыдиться, эльф. Только безумцы и фанатики не цепляются за жизнь, все прочие понимают, сколь ценный это дар. Он перекинул ногу за ногу и вторично огладил бороду.

– Ты видел того, кто гонится за некромантом?

Эльф покачал головой.

– Нет, господин. Хотя чувствовал его взгляд...

– Ее.

Тинфалан вздрогнул:

– Вы с ним... то есть, с ней знакомы?

– Ближе, чем хотелось бы, – вздохнул Файзил. – Тебе повезло, что Мр'ха любит воду еще меньше некромантов.

– Мр'ха! – воскликнул эльф, широко раскрыв глаза. – Беглая рабыня– рани, погубившая семь посланных на ее поимку отрядов! Но ведь она мертва! – Если бы, – с горечью ответил Файзил.

– Мр'ха была убита шесть месяцев назад в окрестностях Аль– Сафира! Я точно знаю, господин, в Акхенире живет священник, одно время служивший у рыцаря, принимавшего участие в охоте. Он сам видел тело! – Это я убил ракшассу в том бою, – коротко сказал Файзил. Эльф застыл.

– Но...? – спросил он после долгой паузы.

– Но ее воскресили, – мрачно ответил маг. – Полностью, не как нежить. И

отныне ее не так–то просто убить. Мр'ха всегда атакует первой, это у нее в крови, а главное... – Файзил стиснул зубы. – Понимаешь, эльф, она стала доминаром. Никто не знает, как, но стала. И если б этим все кончилось... Став доминаром, Мр'ха сохранила весь свой многолетний опыт и сразу получила двадцать третью ступень. Силой она сейчас превосходит даже меня, лишь магия развита слабо, и потому я надеюсь победить. Повисла напряженная тишина.

– Касту сменить невозможно, – тихо сказал эльф.

– Я знаю.

– Господин, но ведь тогда... – Тинфалан содрогнулся. – Если каста не дается от рождения до смерти... Благая Силанна... Файзил сурово кивнул.

– Потому–то я и охочусь за Скелтаром. Никто не знает, как Мр'ха сменила касту, никто кроме колдуна, вернувшего ее к жизни. – Значит, погибнет весь мир! – Тинфалан побледнел. – Кто станет служить в армиях доминаров, если сам может стать господином?! – Мир устоит, – коротко ответил Файзил. – Хотя изменится сильно. Эльф запнулся и обратил на мага вопросительный взгляд. Тот покачал головой.

– Не спрашивай.

– Д– да, господин... – Тинфалан опустил глаза. – Как скажете. – Давай спать, – Файзил встал. У него ломило спину; близился очередной приступ меланхолии, магу хотелось забыться. Кислое вино ничуть не помогало.

Эльф поклонился:

– Я переночую снаружи, господин. Не люблю закрытых пространств.

Файзил пожал плечами.

– Дело твое. Остерегайся грифона, он немного того... – маг покрутил пальцем у виска. – Мне его королева всучила, ей внезапно потребовались мои солдаты, ну она и расплатилась... безумным грифоном. Вполне в ее духе, не находишь?

Тинфалан открыл рот.

– Вы знакомы с королевой, господин?!

Молча махнув рукой, Файзил грузно прошествовал к кровати и со вздохом опустился на усыпанное заплатами одеяло. В домике старой колдуньи воцарилась тишина.

Беззвучно ступая, эльф протиснулся в маленькую дверь и спустился на землю по лестнице. Дождь уже стих. В разрывах туч мерцал призрачный лунный диск, слабый ветер шелестел листьями, играл ключьями ночного тумана. Было прохладно, и озябший Тинфалан забрался в фургон. Пернатый зверь, спавший там, даже не заметил появления эльфа.

Тинфалан закрыл глаза. Его пальцы, покрытые жесткими мозолями от постоянных упражнений с луком, невольно сжались. Столько лет мирной жизни вдали от войн... Безумец, он в самом деле верил, что так будет вечно. В фургон заглянул мальчик–сервар, помощник Аэнки. Тинфалан слабо улыбнулся.

– Да, малыш?

– Тин, – мальчишка забрался на козлы и уселся там, свесив ноги. – Ты теперь его раб, да?

Эльф вздохнул.

– Почти. Я его солдат.

– Зачем? – мальчик потянулся к другу, положил руку ему на колено. – Почему ты не спрятался? Ты же сам учил меня, как скрываться от доминаров...

Тинфалан устало опустил веки.

– Это не всегда удается, Ортнар.

Мальчик сник. Эльф ласково потрепал его по голове. – Не горюй, могло быть и хуже. Сегодня я чуть не попался некроманту, а это пострашнее... – Тинфалан сделал зверское лицо. – Вот стану скелетом и буду за тобой гоняться по ночам!

Мальчик не принял шутливого тона.

– Не уходи, – попросил он тихо. – Ты ведь мечтал найти путь в затерянный город Иллаваграш, столько рассказывал о нем! Эльф вздохнул.

– Солдат предполагает, доминар располагает, малыш. Кто знает, а вдруг мы с новым господином отыщем не только Иллаваграш, но и легендарный Зиндан?

– Как же... – буркнул мальчик.

– Ничего, ты еще встретишь другого учителя, получше меня. Здесь так хорошо... – Тинфалан зажмурился. – Многие на северо–западе устали от крови. Ты недолго останешься без присмотра.

Ортнар стиснул кулаки.

– Тебя никто не заменит, – сказал он упрямо. Эльф грустно улыбнулся.

– Заменят, малыш. Солдаты, они... часто меняются.

Он положил руку на плечо Ортнара.

– Окажи мне услугу. Маг навряд ли завернет в Акхенир; сообщи Эалл о том, что случилось. Скажи ей... – Тинфалан помолчал. – Нет, лучше ничего не говори. Просто сообщи о маге.

Мальчик опустил голову.

– Тин... Он не врал про касты?

– Не знаю, – очень серьезно ответил эльф.

– А если все правда? – Ортнар в волнении сжал кулаки. – Я вырасту, стану доминаром и...

– ...и все, – оборвал Тинфалан. – Опомнись, малыш, – эльф горько улыбнулся.

– Как думаешь, я хотел бы стать доминаром? Мальчик запнулся.

– Да кто ж этого не хочет?!

– Я, – негромко ответил Тинфалан.

Повисла тишина.

– Не понимаю, – сказал наконец Ортнар. И сказал с такой обреченностью, что эльф невольно рассмеялся.

– Подрастешь, поймешь... – он вздохнул. – Иди спать. Я устал и хочу вздремнуть, а завтра, чувствую, хозяин заставит меня побегать. Только не забудь о моей просьбе. Ты ведь помнишь, где я живу? Ортнар через силу кивнул. Тинфалан одобрительно сжал его плечо, закрыл глаза и откинулся на матерчатый тент фургона. Мальчик, шмыгнув носом, растворился в темноте.

Слышавший весь разговор грифон смежил веки и вновь погрузился в беспокойный сон. Эльф глубоко вздохнул.

Сегодня он, как никогда отчетливо, чувствовал близость Силанны.

Глава 2

Холодный утренний ветер гневно шумел в кронах деревьев. Ниже, стыдливо

прячась от неба, ворочал призрачными щупальцами туман, он уже умирал и в агонии цеплялся за каждый кустик. Здесь, в горах, власть солнца была слабее, чем на равнинах.

Мр'ха совершенно неподвижно стояла по колени в мокрой траве. Ее сильное, тренированное тело было напряжено, синяя шерсть на загривке торчала дыбом. Зазубренные ятаганы в каждой руке сверкали сотнями капель росы; Мр'ха не шевелилась со вчерашнего дня. Она умела ждать. Намеченная жертва должна была скоро появиться. Мр'ха гналась за некромантом уже месяц, дважды оказывалась на волосок от успеха, но проклятый колдун, похоже, владел талисманом, удваивавшим и без того немалые силы коня. Догнать его пешком было невозможно. Но сейчас все должно получиться. Из долины нет другой тропы, и Мр'ха отлично изучила местность. Где бы ни прятался колдун, сил его коня не хватит, чтобы оставить охотницу позади. Сегодня она настигнет врага и поквитается за все... О, духи предков, как она ждала этого дня! Предвкушая месть, Мр'ха растянула пасть в угрожающем оскале и глухо, едва слышно заворчала. Дремавшая у ее ног измученная феечка, единственная спутница, всполошилась от звука и в панике приникла к ноге воительницы, омерзительно щекоча ее хвост стрекозиными крыльями. Мр'ха презрительно скривила губы, проклиная систему каст, из-за которых была вынуждена таскать за собой эту никчемную тварюшку. Скорей бы разобраться со Скелтаром и вернуться домой, в вольные степи, где она легко соберет могучую армию и навсегда отучит магов от кровавых игр с ее родичами... Внезапно кисточка на мускулистом хвосте воительницы легонько дернулась. Резко повернув голову, Мр'ха впилась глазами в массивный белый фургон, показавшийся вдаль из-за деревьев. Запряженная двумя вороными конями, повозка неторопливо катилась в ее сторону, на месте возницы сидел широкоплечий маг в синем халате. Рядом с фургоном по траве легким шагом бежал эльф.

– Грррау!!! – от гнева Мр'ха чуть не задохнулась. Нет, нет, НЕТ! Только не сейчас! Когда успех так близко! Файзил, будь он проклят! Повозка продолжала свой путь и Мр'ха чудовищным усилием воли взяла себя в лапы. Следовало немедленно принять решение. Если броситься в долину и напасть на некроманта, она удовлетворит жгучую жажду мести, но сама окажется в той же ловушке, которую

подготовила колдуну. Мр'ха трезво оценивала свои силы и сомневалась, что справится с Файзилом в открытом бою.

Если же не рисковать и покинуть опасные места, Файзил сам убьет некроманта и великая тайна достанется Серебряным Городам. Мр'ха отлично сознавала, что за этим последует. По большому счету, бегство ничего не изменит – обладая страшным знанием, Файзил быстро ее выследит и на сей раз убьет окончательно.

Выбора просто нет. Отомстить... И принять неизбежный бой. Видимо, так хотят предки. Что ж – с предками не поспоришь, ведь их кости давно гниют в могилах, а гнилые кости – плохие спорщики и отвратительно пахнут. Мр'ха хрипло выругалась.

– Цепляйся за гриву, тварь! – она пнула фею. – Да попробуй только обмочить мне шкуру, как вчера!

– С– с– слушаюсь, г– госпожа... – замирая от страха, выдавила та. Мр'ха бросилась вперед. Холодный ветер ударил в грудь, трава с шелестом расступалась. Мр'ха бежала по прямой, экономя силы, зорко оглядывая окрестности в поисках затаившегося врага. Краем уха она слышала проклятия за спиной – Файзил, конечно, применил свое коронное заклинание телепортации и теперь безнадежно отстал, растратив силы коней. В груди воительницы шевельнулась робкая надежда: а что, если преследователи не знают местность и решат, будто из долины есть другой выход? Она обогнула покрытую плющом скалу и замерла на месте: в траве рядом с дорогой, под большой раскидистой елью, мирно спал черный дракон. За ним, вдали у отвесного склона, перекрывавшего выход из долины, смутно виднелся конь некроманта; скрипнув зубами, Мр'ха поняла, что ей вновь не хватит сил догнать врага.

– Будь ты проклят!!! – в ярости крикнула она дракону. Тот вздрогнул, проснулся, вскинул огромную голову. Оглядевшись, дракон недоуменно моргнул и поднялся с земли. Он возвышался над воительницей, словно черный, сверкающий мириадами блесков утес. – В чем дело? – по голосу Мр'ха поняла, что перед ней самка. – Я летела всю ночь и только прилегла отдохнуть... – драконесса запнулась, осмотрела дорогу и с досадой передернула крыльями, взвихрив тучу сухих еловых

игл. – Ррршш, думала здесь дикая местность!

Мр'ха застыла. Возможно ли? О, предки, если таков ваш план, вы получите десять жирных ягнят и лучшую настойку валерианы... – Я опытная воительница и добрая госпожа, – быстро, боясь спугнуть удачу, сказала Мр'ха. – Присоединяйся, и я награжу лучше, чем сумеет любой доминар, клянусь всеми шерстинками моей благородной матери! Драконесса отпрянула.

– Доминар? – она недоверчиво встопорщила гребень. – Ты ракшасса– рани, магический зверь из Серебряных Городов! Ракшассы не бывают доминарами. – Ошибаешься! – Мр'ха с жаром хлестнула себя хвостом. – Это и есть моя награда. Присоединяйся, помоги одолеть врага – и завтра, клянусь, ты сама станешь доминаром. Я нашла путь к смене касты, взгляни! – Мр'ха сорвала с пояса кожаный чехол и вытащила оттуда колдовскую книгу. Заклинаний внутри почти не было, но об этом драконше знать не обязательно. Крылатая с изумлением смотрела на воительницу. Мр'ха почти чувствовала, как драконша лихорадочно размышляет над неожиданным предложением. И когда она, наконец, заговорила, Мр'ха мысленно издала восторженный вопль:

– Кто вас преследует? – неуверенно спросила драконесса. – Один маг, – быстро сказала Мр'ха. – Довольно слабый, к тому же против тебя он бессилён, да и солдат с ним почти нет!

Драконесса скептически прищурила левый глаз.

– А точнее?

– С ним всего один эльф.

– Не может быть! – усомнилась крылатая. – С таким отрядом ни один доминар не рискнет выйти из города.

– Я ведь вышла... – Мр'ха стряхнула фею с плеч и указала на нее когтем.

– Вот мой единственный воин, полюбуйся.

Драконесса с сочувствием взглянула на измученную феечку. – Догадываюсь, зачем тебе я, – сказала она задумчиво. – Но если маг столь слаб, ты и в одиночку с ним справишься, ведь ракшассы всегда атакуют первыми.

– Маг знает несколько трюков против таких, как я, – нехотя сообщила Мр'ха. – С подобной... армией, – она окатила фею презрительным взглядом, – у меня шансов

нет. Но для тебя любой маг не опаснее крестьянина с вилами, ведь драконы неподвластны магии!

Крылатая надолго задумалась.

– Ты правда сделаешь меня доминаром? – спросила она наконец. – Я даже не мечтала сменить касту...

Мр'ха активно закивала:

– Нужно лишь прочесть особое заклятие. Я научу тебя этому заклинанию и ты сама будешь превращать рабов в господ!

Драконесса явно колебалась. Внезапно она вздрогнула и вскинула голову:

– Нет, – твердо сказала крылатая. – Ты забываешь о тайной власти магов. Да, мне не грозят его заклинания, но он может в мгновение ока призвать себе на помощь целую армию из ближайшего города, или прямо в бою сотворить из небытия орды фениксов и элементарей. Мы обе погибнем, если атакуем такого врага.

Мр'ха судорожно стиснула рукояти ятаганов.

– Нет выбора, – сказала она, стараясь казаться спокойной. – Маг блокировал выход из долины. Если мы атакуем первыми, он не успеет призвать гарнизон из города. А если не атакуем, он убьет сначала меня, а затем и тебя, чтобы сделать из твоей шкуры несколько магических побрякушек. Не думай, что сможешь улететь! – с горечью добавила Мр'ха. – Файзил всегда догоняет беглецов и режет их на куски...

– Выбор есть, – возразила драконесса. – Я только что проснулась и полна сил. Если ты превратишь меня в доминара и присоединишься, мы спрячемся в конце долины, а утром обогнем преследователей и вырвемся из ловушки. – Как я могу присоединиться?! – в гневе воскликнула Мр'ха. – Я больше не солдат, я доминар!

– Лучше быть живой рабыней, чем мертвой госпожой, – заметила драконша.

– Прочти свое заклятие наоборот и временно стань солдатом... Она повернула голову и зорко посмотрела вдаль, туда, где шелестел скрытый за деревьями водопад.

– И лучше поторопись, я не стану ждать приближения мага. Мне совсем-совсем не хочется умирать.

Мр'ха в бешенстве ударила хвостом:

– Я не умею превращать доминаров обратно в солдат, – прорычала она. – Наш единственный шанс – атака. И запомни, ящерица: одна я к предкам идти не намерена,

если ты сейчас не присоединишься – я первой атакую тебя! А затем уже позволю магу себя растерзать!

Крылатая улыбнулась, обнажив три ряда белоснежных зубов.

– Ты не сделаешь этого, ракшасса.

– Проверим? – угрожающе спросила Мр'ха, поднимая ятаганы.

Драконесса мотнула головой.

– Не стоит. Лучше скажи, видишь, там, у скал, прячется всадник? Ночью он проехал рядом со мной и я чуть не задохнулась от вони. – Некромант Скелтар, – хрипло дыша, отозвалась Мр'ха. – Я преследую его уже месяц.

– А он об этом знает? – поинтересовалась драконесса. Мр'ха отрывисто кивнула. Крылатая задумчиво склонила голову набок. – Зачем же он углубился в долину без выхода, если знал, что за ним по пятам гонится дикая кошка? – драконесса подмигнула воительнице. – Думаю, где-то поблизости таится вход в подземелья.

Мр'ха напряглась, стараясь погасить неожиданно вспыхнувший огонек надежды.

– Я тут все осмотрела.

– С воздуха? – иронично спросила крылатая.

– И с воздуха тоже, – Мр'ха кивнула на феечку.

Драконесса задумалась.

– В таком случае, придется играть на опережение, – решила она. – Вот что, кошка: сколько сил у тебя осталось?

Мр'ха дернула хвостом.

– Мало.

– Скрыться в зарослях сумеешь?

– Маг все равно почует.

– Главное, чтобы не видел издали, – крылатая подмигнула. – Я отвлеку его на себя и заставлю растратить силы. Так мы обе успеем выбраться из долины.

Мр'ха с сомнением прищурила глаза.

– Чем, интересно, ты его отвлечешь?

– Приманкой, – невозмутимо заявила драконесса. – Ведь он преследует тебя, а обо мне не имеет понятия. Я встану в стороне от его пути и, когда он будет проезжать

мимо, позову на помощь, сказав что хочу присоединиться. Маг свернет с дороги, но я, конечно, не стану ждать, пока он подъедет.

– Фхрф, – фыркнула Мр'ха. – Бред. Не сработает. – Покажи мне доминара, который откажется даром заполучить черного дракона, – мрачно сказала крылатая.

Мр'ха надолго задумалась. Драконесса ждала.

– Ладно, – решила воительница. – Выбора все равно нет. Как понимаю, для реализации такого плана, ты, конечно, должна стать доминаром прямо сейчас? – Как же иначе мне улететь от мага? – удивилась крылатая.

Вздохнув, Мр'ха от души чертыхнулась и вынула волшебную книгу из чехла.

– Выбери имя, – буркнула она.

Драконесса моргнула.

– У меня есть имя. Я Тень из Аксеота.

– Что ж, Тень из Аксеота... – Мр'ха коснулась когтем тонкой страницы. – Сейчас твоя жизнь изменится раз и навсегда.

Она начала читать заклинание. Драконесса молча слушала, удивленно открыв глаза – ни одно слово в заклятье не имело смысла, казалось, будто Мр'ха читает книгу задом наперед. Однако, едва отзвучали последние звуки, крылатую окутало облако желтого дыма, она покачнулась и беззвучно рухнула в траву, потеряв сознание. На ее передних лапах появились браслеты из лилового металла, а рядом, прямо из воздуха, возник минотавр и без чувств свалился на землю.

Мр'ха криво усмехнулась.

– Вот вам и дракон, неподвластный магии... – пробормотала она. – Эй!

Ящерица!

Тень приподняла голову. У нее был совершенно ошалелый взгляд.

– Где я? – прошептала драконесса.

– Там же, где раньше, – буркнула Мр'ха. – В ловушке. Тень сделала попытку

встать, но ноги подкосились и драконесса вновь растянулась в траве. Она судорожно дышала и нервно водила хвостом. – Не понимаю... – прошептала Тень. – Все изменилось... – Еще бы, – фыркнула Мр'ха. – Ты теперь доминар, и властна делать все, что захочешь. Жить в городах, набирать армии, носить магические артефакты... Сделанные из драконов...

Тень содрогнулась:

– Какой ужас!

– Почему? – Мр'ха усмехнулась. – Вчера ты была драконом, из которых делают артефакты. Сегодня ты доминар, для которых эти самые артефакты и делают.

– Но я драконесса! – возмутилась Тень. – И останусь ею! – Только внешне, – зло сказала Мр'ха. – Я была ракшассой– рани, дрессированной львицей в рабстве у магов. Теперь я такая же, как они... – воительница скрипнула зубами – ...но память моя сохранилась, и ненависть тоже. Вставай! – она чувствительно пнула драконессу ногой. – Убей некроманта, иначе завтра он выдаст Файзилу нашу хитрость. Помни, доминары пойдут на все, лишь бы рабам не досталась такая власть. Растерянная, испуганная, Тень сумела лишь кивнуть и подняться на ноги.

Мр'ха смерила ее сомнительным взором.

– Огнем–то дышать не разучилась? Солдат у тебя маловато...

Драконесса неуверенно развела крыльями.

– Надо попробовать... – она напряглась, запрокинула голову и со зловещим рыком выдохнула ослепительный клуб пламени. Феечка в панике спряталась за ракшассой, даже минотавр очнулся и сел, ошалело тряся головой. Это был пожилой, с ног до головы покрытый шрамами зверь бежевой масти, в фиолетовом наморднике и набедренной повязке того же цвета. На груди у него висело неряшливо сделанное ожерелье из треугольных кусков дерева, глубоко посаженные бычьи глазки оказались ярко– синими, хвост украшало простенькое железное колечко со следами ржавчины. Такое же, но хромово– блестящее, было вдето минотавру в нос, а с больших коровьих ушей свисали пестрые цыганские серьги из кусочков цветного стекла. – Так, – сказал он мрачно. – Все это добром не кончится. Куда меня притащили?

Мр'ха молча кивнула на драконессу. Минотавр смерил Тень оценивающим взглядом и почесал себя за левым рогом.

– Девка. Хана мне, – вздохнув, он скрестил мощные руки за головой и растянулся в траве, принявшись насвистывать какой-то мотив. Мр'ха не сдержала улыбки.

Тень, между тем, немного пришла в себя и уселась на хвост. В ярких желтых глазах драконессы отражалась целая буря чувств. – Это мой первый воин? – спросила она, кивнув на минотавра.

– А– а– ага, – отозвался тот, не повернув головы.

– Но почему... такой?

– Заклятие делает тебя доминаром из города, откуда родом твоя прежняя форма, – объяснила Мр'ха. – Я, как видишь, стала магичкой, ну, а ты отныне состоишь в Лиге Теней.

Тень вздохнула.

– Жаль, мне всегда нравились лесные эльфы... Они драконов уважают...

– Особенно черных... – ядовито заметил минотавр.

Мр'ха встопорщила гриву.

– Эльфы, маги, все доминеры одинаковы, – шагнув вперед, она положила руку на могучую, бугрящуюся мышцами драконью лапу и кивнула на темнеющий вдали силуэт некроманта.

– Тень, его придется убить прямо сейчас. Ты раньше сражалась в армиях?

Хоть недолго?

Драконесса покачала головой, и минотавр в траве издал придушенный звук.

Смущенная Тень вскинулась:

– Да, я не люблю войну! Это преступление?!

– Все в норме, – странным голосом заверил ее минотавр. – Я не в обиде, мы счастливы, му– у.

Мр'ха устало вздохнула.

– Не обращай на него внимания. Слушай внимательно: хорошей армии у тебя нет, магию ты еще не освоила, зато когтями способна прикончить даже титана. Значит, в бою тебе придется беречь солдат и избегать столкновений с врагом, пока не настанет удобное время для сокрушительного драконьего удара!

– Слушай кошечку, дракоша, кошка дело говорит, – вставил минотавр.

Мр'ха резко обернулась:

– Ты! Закрой пасть!

– Все, молчу, молчу... – минотавр демонстративно застегнул свой намордник и продолжил насвистывать мотив. Мр'ха, дергая хвостом от гнева, вновь обернулась к драконессе:

– Скелтар неплохой маг, но, убегая от меня, растерял большую часть армии. Все его воины, вместе взятые, не сумеют тебя даже поцарапать, но если подохнет эта язвительная корова... – Мр'ха кивнула на минотавра, – ...все потеряно.

– Я знаю, – тихо сказала Тень. – Не вчера вылупилась. – Теорию ты, быть может, и знаешь, но практик здесь я, так что слушай и помалкивай! – оборвала Мр'ха. – Границы каст нетрудно слегка растянуть, добившись победы там, где иначе ты неизбежно проиграешь. Запомни, как побеждать без армии: на поле боя держи солдат прямо за собой и принимай удары грудью, пока не настанет удобный момент для атаки! Поверь, тебе даже больно не будет. Доминары в битвах не страдают, гибнут лишь солдаты, пушечное мясо.

– Поняла, – вздохнув, драконесса расправила и сложила крылья. – Что ж, идем, мой воин. Покроем себя славой и кровью врагов. Минотавр пружинисто вскочил на ноги и крутанул в ладонях две тяжелые секиры.

– Не кровью, а прахом, – поправил он аккуратно. – Нежить, она того, бескровная...

– И еще, Тень, – Мр'ха заступила крылатой путь и внимательно посмотрела ей в глаза. – У некроманта в котомке лежит один предмет. Ты его сразу узнаешь, это серебряный диск, покрытый мелкими– мелкими рунами. Он мне нужен.

Драконесса кивнула.

– Конечно, не зря ведь ты месяц гонялась за колдуном.

– Именно, – Мр'ха сузила зрачки. – Прошу, Тень. Мне нужен только диск.

Это не артефакт, тебе от него пользы не будет.

– Я не привыкла платить злом за добро, – негромко ответила драконесса.

– Если победа нам улыбнется, ты получишь свой талисман.

Мр'ха широко улыбнулась и отступила назад.

– Постарайся, чтобы Скелтар умирал долго и болезненно! – крикнула она

вслед драконессе. – Поверь, он заслужил!

И лишь оставшись одна, Мр'ха дала волю чувствам. Бедная испуганная феечка еще никогда не слышала и половины тех слов, которыми воительница крыла свою судьбу, Файзила, черную драконшу и вообще всех, сговорившихся лишить ее радости мщения...

Глава 3

Дождь давно стих, хотя время от времени тяжелые капли еще падали с неба. Мириады звезд беззвучно сияли в высоте, раскачивались под сильным ветром черные силуэты деревьев. Со стороны фургона, где эльф чистил коней, доносилось их довольное фырканье.

Файзил стоял в мокрой траве, скрестив на груди руки. Перед ним, в темноте, смутно угадывались контуры большого медного идола, позеленевшего от старости, но до сих пор имевшего величественный и грозный вид. Маг с сомнением огладил бороду.

– Видели бы меня сейчас... – пробормотал он под нос. Однако пользу таких идолов Файзил отлично знал, они действительно приносили удачу в битвах. Скрепя сердце, маг временно махнул рукой на принципы и, морщась от отвращения, поцеловал медного идола в холодные, слегка кисловатые на вкус губы.

Позади послышался странный придушенный звук. Резко обернувшись, маг с удивлением заметил своего грифона, который, будто в агонии, бился на траве, дергая в воздухе всеми лапами и судорожно хватая клювом воздух.

Встревоженный, Файзил подбежал к зверю:

– Отравился?

Грифон страшным усилием взял себя в лапы, но, взглянув на озабоченное лицо мага, вновь повалился на траву в конвульсиях. До Файзила только сейчас дошло, что пернатый над ним хохочет.

Брови мага сошлись к переносице.

– Животное... – пробормотал он с отвращением. Однако грифон, преодолев безудержное веселье, замотал орлиной головой. Вскочив, он грациозно подбежал к идолу и ткнул когтем в полустертую надпись на основании. Файзил с сомнением огладил бороду.

– Ты же вроде умеешь говорить? – задумчиво спросил маг.

– Угу, – отозвался пернатый.

– Это я уже слышал.

– Угу...

Файзил внезапно встрепенулся и щелкнул пальцами:

– Стоп! На тебе заклятие, верно?

Грифон отчаянно закивал, издал тихий клекот, несколько раз ударил себя в грудь лапой и провел когтем перед клювом, будто сокрушался, что не может говорить. Файзил заинтересовался.

– Заклятие молчания? – он подошел к идолу и присел на корточки. – О таких не слышал... Ну, что ты хотела показать, птица? Пернатый, трясясь от беззвучного смеха, вторично указал когтем на надпись. Файзил прищурил глаза:

– «Л»... «И»... «Б»... дальше не разобрать... «В». Л– и– б– в. И что это значит?

Грифон замотал головой и ударил когтем в стертый участок. Файзил кивнул:

– Ясно, не хватает букв. Каких?

Пернатый заметался, бессильно разевая клюв. Внезапно ему пришла в голову новая мысль: подняв коготь, будто говоря – я сейчас! – он распахнул крылья и скрылся в ночном небе. Тут же вернулся, бросил на мага смущенный взгляд, подбежал к фургону, где эльф повесил сушиться свою зеленую рубаху, схватил ее клювом и вторично взлетел. Файзил скрестил на груди руки. – Странно... – прошептал он, глядя вслед пернатому зверю. На сей раз грифона не было довольно долго. Вернувшись, он с гордостью разровнял задними лапами площадку рядом с костром и высыпал туда целую гору мокрого песка, который притащил в сложенной эльфийской рубахе.

Тинфалан только сейчас заметил, во что превратилась его одежда:

– Эй! – он бросился к грифону, но Файзил заступил эльфу путь:

– Не мешай, – отрывисто бросил маг.

Грифон, между тем, разровнял песок и принялся стремительно водить по нему когтем. Файзил, со все возрастающим изумлением, следил за появлением надписи.

– «Не могу говорить», – прочитал он вслух. – Мы знали это и раньше.

Пернатый грациозным движением стер надпись с песка и начал заново.

Теперь уже и эльф, затаив дыхание, за ним наблюдал.

– «Вы ничего не знаете!» – вслух прочитал Файзил. Нахмурился:

– Нам, магам, известно довольно многое, – произнес он сурово. – «Ноль!!!» – грифон трижды подчеркнул слово, стер его и продолжил лихорадочно писать: – «Вы не знаете!»

– Чего не знаем? – сухо спросил маг.

– «Ничего!!!»

Тинфалан осторожно тронул Файзила за плечо. – Он действительно безумен, – шепнул эльф. – Лучше избавиться от него прямо сейчас, господин.

– Не спеши, – маг присел на корточки и посмотрел в яркие орлиные глаза. – Торопишься, – мягко сказал Файзил. – Не торопись, – он сделал жест в сторону площадки с песком.

Грифон на миг зажмурился, тяжело дыша. Он весь трепетал от возбуждения. – «Слишком долгий рассказ», – вслух прочитал эльф следующую фразу. – «Не могу так. Верните речь...»

– Как вернуть? – быстро спросил маг.

– «Как Мр'ха» – написал грифон.

Файзил нахмурился.

– Желаете стать доминаром?

– Угу!!!

– Нет.

– «Так нужно. Должен разговаривать. Опасность», – грифон, дрожа, присел перед магом в поклоне, расправив по земле белые крылья. Файзил в глубоком сомнении огладил бороду.

– Даже если я соглашусь, а я не соглашусь – только некромант знает тайну Мр'ха.

– «Нет тайны!» – грифон яростно замотал головой и издал громкий клекот.

– «Артефакт!»

Лицо мага просветлело.

– Уверен? – спросил он быстро. – Артефакт, не заклятие? – «Испытали на мне!» – пернатый яростно ударил хвостом. – «Меняет касты!»

– Он врет, господин, – шепнул Тинфалан. – Существуют лишь три касты, и грифоны с самого вылупления солдаты. Если б он сменил касту, стал бы серваром или доминаром.

Файзил покачал головой:

– Не знаю, не знаю... Все это весьма странно.

– «Артефакт меняет мир,» – лихорадочно написал грифон, стер и продолжил: – «Не только касты» – взмах лапы, движение когтя – «Что угодно, как угодно!»

Эльф тихо ахнул:

– Вот это да...

– Если он пишет правду, налицо самая страшная опасность со времен сотворения мира, – заметил Файзил.

– «Нет, нет, нет!!!» – грифон в отчаянии накрыл голову крылом. – «Вы не понимаете!»

Внезапно, встрепенувшись, он издал громкий вопль и метнулся к фургону. Вернувшись через мгновение, грифон бросил под ноги Файзилу коробку с походными шахматами, склонился, поднял ферзя и, внимательно посмотрев на мага, медленно указал когтем сначала на человека, а затем на шахматную фигуру. Два раза.

Повисла мертвая тишина. Наконец, переведя дыхание, Файзил скрестил на груди руки и сурово спросил:

– Что это значит?

– «Ты понял», – коротко написал грифон.

– Объясни! – рявкнул маг.

Пернатый покачал головой.

– «Верните речь.»

– Ставишь мне условия? – начиная закипать, хрипло спросил Файзил. – Вздумала шутки шутить, птица?

– «Мне нечего терять.»

– Только жизнь, – угрожающе заметил маг. Грифон фыркнул. – «Здесь не умирают», – написал он, тщательно выводя каждую букву. – «Здесь начинают сначала.»

Бросив на мага выразительный взгляд, он стер надпись и добавил:

– «Я помню, вы – нет.»

Эльф с тревогой взглянул на Файзила.

– Господин, о чем он говорит?

– О старой и почти всеми забытой ереси Алагора, – сухо ответил маг. – Не думал, что снова услышу ее от жалкой полуптицы.

Ошеломленный грифон приоткрыл клюв. Файзил сурово кивнул:

– Да, птица. Ты не сказала ничего нового.

– «Тебе известна правда?!» – кривобокими буквами нацарапал потрясенный грифон.

– Правда? – Файзил рассмеялся. – Не льсти себе, пернатый. Ересь Алагора идет обязательным предметом пятого курса Академии, все высшие маги ее знают. Хотя мало кто помнит.

– А о чем говорил Алагор? – тихо спросил эльф. Растерянный грифон уселся прямо в песок и молча переводил взгляд с одного на другого.

– Алагор был Старшим магом, учеником самого Сар–Иссы, – объяснил Файзил. – Пятьсот лет назад, еще до Седьмого затмения, случилась страшная битва с демонами, и отряд Алагора оказался заперт в подземелье к югу отсюда. Целая орда демонов пустилась вдогонку, спасения не было – и действительно, из подземелья не вышел никто. Только, спустя полгода, Алагор неожиданно объявился в Аль–Сафире – грязный, заросший, полуживой, он как безумный твердил о черных туннелях Зиндана, ведущих к центру Земли,

где на скале выбито изображение Вечного древа... Все решили, что пытки

свели его с ума, но Алагор вскоре оправился и собрал магов Серебряных городов на совет. Там он заявил, что мир наш – лишь шахматная доска, а мы фигуры. И что касты, на самом деле, просто обеспечивают выполнение игровых правил, а единственный свободный народ нашего мира – серверы, которых все мы полагаем рабами.

– Угу!!! – грифон отчаянно закивал. Файзил отмахнулся. – Ересь Алагора вызвала большой шум, – продолжил он. – Некоторое время ее активно обсуждали в Академии, так как гипотеза была стройной и многое объясняла. Но сам Алагор все испортил; его безумие усиливалось, и вскоре он заявил, что все жители мира, кроме серверов – вовсе не живые существа, а големы.

– Големы? – недоверчиво переспросил эльф.

– Именно. Созданные специально для игры одушевленные куклы.

– Кем созданные?!

– Богами, – Файзил пожал плечами. – Алагор называл их «игроками», но имя сути не меняет. По его словам, и Силанна, и Маласса, и Элрот с Ургашем, и прочие боги – выдумка серверов, а про настоящих богов этого мира мы ничего не знаем и не можем узнать, ибо так устроен сам мир. – Угу!!! – грифон, вскочив и судорожно дергая хвостом, поспешно нацарапал:

– «Так и есть!!!»

– К счастью, Алагор ошибался, – невозмутимо продолжил Файзил. – Его идея была интересной и свежей, но все построения разрушил простейший факт: если мы пешки в игре богов, каким образом мы можем рождаться, взрослеть и стареть, помня все годы нашей жизни? Мы учимся и растем, ненавидим и любим, теряем и мечтаем, страдаем и умираем... Маг покачал головой.

– Вполне возможно, нашим поведением и впрямь управляют некие высшие силы, однако это не делает нас куклами. Вот ты, эльф – что ты помнишь о своей жизни?

Слегка растерянный, Тинфалан ответил не сразу. – Я... – он развел руками. – Я помню все, господин. Родился я в Дангэане, в клане Серого Вихря, отцом был друид по имени Каллестен, мать звали Теарра. Я провел с родителями лишь несколько лет, затем проезжий рыцарь забрал их в свой отряд и больше я никогда их не видел. Как и

всех детей нашего клана, меня отправили обучаться стрельбе в племя Ворона, их мастера славились на весь Дангэан. Жестокое было время... – эльф опустил голову. – Я впервые участвовал в битве двадцать три года назад, под началом бесстрашного Таланара, и с ним мы совершили немало славных походов. Затем к войску Таланара пожелали присоединиться несколько опытных друидов, и господин был вынужден оставить наше подразделение в городе. С тех пор я вел жизнь вольного лучника... пока не встретил вас. Файзил улыбнулся.

– Постараюсь, чтобы история твоей жизни не прервалась по моей вине, – он обернулся к молча слушающему грифону и указал на Тинфалана. – Вот обычный солдат, – сказал Файзил. – У него есть обычная жизнь. Он живой. И я живой, хоть принадлежу к другой касте и другому народу. Даже ты, странная полуптица – даже ты обладаешь памятью, сердцем и, к сожалению, разумом. Кем бы ни были мы в глазах наших богов – мы не куклы, не големы и не игрушки.

– Угу, – мрачно буркнул грифон. Склонился и тщательно, не спеша, вывел на песке: – «Ваша память заложена в вас.»

Стер, продолжил:

– «Каждый раз, вместе с вами, воскрешает и она,» – стер, бросил на мага горящий взгляд. Файзил нахмурил брови:

– Можно подумать, ты не один из нас?

– «Я не один из вас!» – грифон яростно дернул хвостом.

Эльф шагнул вперед.

– Кто же ты? – спросил он негромко.

Пернатый громко клацнул клювом.

– «Я человек,» – написал он, старательно выводя буквы. – «Живой человек. Единственный в вашем мире.»

Глава 4

Тень лежала в траве, распластав крылья, всем телом впитывая солнечный свет, чувствуя каждое дуновение ветерка, каждый шорох. В ее душе до сих пор бушевал вихрь. Слишком неожиданно и быстро все изменилось, как теперь жить? Память о ее первой битве накладывалась на шквал новых ощущений доминара, Тень чувствовала себя пылинкой, подхваченной ураганом. Она боялась открыть глаза, и еще сильнее боялась, что все произошедшее – лишь сон, и не было никакой ракшассы, не было схватки с некромантом... Впрочем, схватка определенно была; резкий запах потного минотавра невозможно ни с чем спутать даже в столь отрешенном состоянии, в котором пребывала сейчас Тень. Усталый и покрытый свежими царапинами воин сидел в траве рядом с драконессой и деловито чистил секиру пучком травы. Понять по морде минотавра, о чем он сейчас думал, было невозможно. – У тебя есть имя? – тихо, не раскрывая глаз, спросила Тень. Новая острота чувств ее слегка пугала; даже зажмурившись, драконесса отчетливо представляла себе все что происходит кругом. Картина складывалась из тысяч ароматов, пронизывавших воздух, из звуков и едва уловимых тепловых волн, но было и кое– что новое – удивительное внутреннее ощущение «единения». Тень буквально чувствовала, осязала все, что ее окружает – она лежала в траве, и она БЫЛА травой, она слышала шелест листьев на недалеком дереве, и БЫЛА каждым листом, была ветром и землей, была корнями и водой, что пили корни.

Мгновение: Тень чувствовала усталость, это старая паучиха– серебрянка в ручейке по ту сторону холма тащила к своему колоколу новый пузырек воздуха. Еще миг – и драконесса всей душой внимала ликование бабочки, наконец выбравшейся из кокона и сумевшей впервые расправить на ветру мокрые, непослушные крылья. Тень тонула в водопаде ощущений, она никогда даже помыслить не могла, что мир вокруг столь сложен и объемен! В каждой капле воды обитало больше существ, чем во всем Ашане, муравьи у нее под крылом сражались в битвах, рядом с которыми все эпические войны древности покажутся муравьиной возней!

– Гурд я, – буркнул минотавр. Его голос помог драконессе опомниться. Сделав над собой усилие, Тень отогнала новые чувства и открыла блестящие глаза цвета янтаря. Минотавр смотрел на нее, грустно улыбаясь. Тень из– за всех сил напрягла волю, приводя мысли в порядок. – Ну вот, завершилась моя первая битва, –

шепнула она виновато. – Я... все сделала правильно?

Гурд приоткрыл массивную пасть в ухмылке.

– Ты неплохо справилась, девочка, – заметил он. – Расслабься. Хотя, по правде, командира бездарнее, чем наш дважды покойник, еще поискать, – минотавр покрутил пальцем возле рога. – Хвостом клянусь, нам крупно повезло. Так глупо вести бой даже специально не выйдет. Тень неуверенно кивнула.

– Может, их все же стоит похоронить? – заикнулась она. – Я раньше не убивала... разумных.

– А ты и сейчас никого не убила, – весело отозвался минотавр. – Они ж и так мертвые, забыла?

Драконесса поникла. Ее сильные, сверкающие на солнце крылья опали, на передних лапах слегка выдвинулись когти. Изумительное, грациозное, самое прекрасное существо под звездами... Много лет назад, теплой весенней ночью, на залитой лунным светом полянке, утопавшей в цветах, ей шептал эти слова молодой дракон. Кто мог тогда представить, что на следующее утро в клетку окровавленной, полуживой Тени просунут обжаренный на костре кусок мяса, вырезанный из тела ее ночного друга?

– Эй, крылатка, ты в порядке? – тихо спросил минотавр, видимо ощутив настроение драконессы. Та судорожно вздохнула, приходя в себя. – Да... Да, сейчас пройдет, – Тень зажмурилась, прогоняя жуткие воспоминания. – Мне уже лучше.

– Бывает, – со знанием дела буркнул минотавр.

Драконесса медленно покачала головой.

– Нет... Битва ни причем. Это другое, – она с силой перевела дыхание. – Просто мне слегка не по себе. Тот некромант... Он даже не просил пощады, а меня вела какая-то сила, я... Сама не понимаю, почему насадила его на когти! – взорвалась Тень. – Разве не правильнее было взять его в плен?! Что со мной происходит?!

– Эх– хе, – минотавр качнул тяжелой головой. – Да ты совсем зеленая, девочка.

– Все не так... – в отчаянии прошептала Тень. – Мной будто управляли, Гурд! Я... Я радовалась каждому удару... А когда скелеты кинулись прямо на тебя, и ты положил их всех, я даже огнем дыкнула от радости! От радости, Гурд! Как я могла?! Это не я была! Я же... Я не такая! – Такая, такая, – сурово отозвался минотавр. – Ты

доминар. Доминары, как и солдаты, созданы для битв, и нет в тебе ничего странного – все вы... одинаковые. Так что утихни, госпожа.

– Ой... – Тень содрогнулась. – Не зови меня госпожой. Еще вчера мы с тобой были равными.

Гурд лукаво прищурил один глаз.

– А сегодня, выходит, все изменилось?

Драконесса растеряно моргнула.

– Но ведь... Я стала доминаром...

– Значит, любой солдат может им стать, – заметил минотавр. – Разница между нами куда меньше, чем все думают.

Он ухмыльнулся.

– Я к чему клоню–то, дошло?

Тень медленно кивнула.

– Понимаю. Заклятие той ракшассы стирает грань между кастами. – Умница, ящерка, – Гурд отложил одну секиру и принялся за вторую. – Мне–то что, я старый солдат, меня хоть богом сделай, одно дер... – он покосился на крылатую красавицу – ...дерево вон, растет. Драконесса вздрогнула.

– Какое дерево?

– Бфмрхштф! – минотавр устало качнул головой. – Объясняю для ящериц: словом «дерево» я вовремя заменил крепкое выражение, непригодное к употреблению в дамском обществе, чем показал свое утонченное воспитание и тактичность.

Тень с удивлением посмотрела на своего воина.

– А– а... У вас там все такие вежливые? – спросила она осторожно.

– Где у нас?

– Ну... – драконесса запнулась. – У минотавров.

Гурд отложил секиру и с неподдельным интересом уставился на крылатую.

– А ты точно разумное существо? – спросил он лукаво.

Тень неуверенно кивнула.

– Наверно...

– О первый мудрый слог, ушей моих достигший! – внезапно пропел минотавр

и весело, от души рассмеялся. – Ладно, крылатка, не бери в голову, я просто чертовски рад, что жив остался. Шансов–то немного было. Знаешь... – он подтянул колени к груди и уложил на них могучие руки. – Иногда попадаешь к таким... доминарам, – Гурд покачал головой, – Что думаешь: уж лучше б я быком в хлеву оставался и травку жевал, ни о чем не волнуясь. Да, потом придет мясник – и что с того? Мгновение боли и снова покой. А так... – он шумно вздохнул. – ...когда вокруг режут друзей, а ты орешь и мчишься в бой, зная, что сейчас прирежут и тебя, и все без толку – нет уж, по мне так хлев лучше. Му– у.

Минотавр закрыл глаза.

– Запах, – сказал он негромко. – Доминары его не чувствуют, я знаю. Когда с хрустом вгоняешь секиру в грудь очередного врага, кровь не льется, она ударяет тугим потоком и заливает тебе лицо. В ней можно захлебнуться, она сладкая и вместе с тем соленая. Пока сам не увидишь, в жизни не поверишь, что крови бывает так много – она как вода, иногда падаешь в скользкую лужу, глянешь вниз – а это кровь... Помню, как–то мой позапрошлый хозяин бился с эльфами, против нашего взвода двинулись два зеленых дракона. Мы убивали их целый час, девочка. Они жгли нас и рвали когтями, а мы врубались в их тела, крушили кости, вспарывали животы, ломали крылья. Знаешь, как это бывает... – Гурд пожал мощными плечами. – ...хотя, откуда тебе знать. Помню, когда первого дракона уже добились, а второй был полумертвый, я ему рукоять секиры в горло вогнал и кровь хлынула в легкие. Он захлебывался, пытался пережать рану на шее, дергался, но кричать уже не мог – нечем было. Так, молча, и помер в луже собственной мочи, смешанной с кровью. Из нашего взвода в тот день выжили я да еще пара ребят...

Изумленная Тень произвольно сглотнула.

– В скольких битвах ты побывал? – спросила она, придя в себя. – Почему знать? – минотавр потер шею. – В сотнях. Может, и в тысячах. Не до счета было.

– Но как? – потрясенно спросила драконесса. – Ведь ты появился из воздуха, когда я стала доминаром!

– Из воздуха, молодой дракон, никогда и ничего не появляется кроме вони, – наставительно заметил Гурд. – А я хоть и вспотел, но не настолько.

Он почесал себе волосатую грудь, взглянул на руку, поморщился и вытер ее о

траву.

– Так уж вышло, что мне на роду писано помнить каждый цикл, – буркнул

Гурд. – Уж не знаю, кому это пришло в пропитанную дер... набитую деревянными опилками башку, но меня он спросить позабыл. Ох, позабыл... Тень отпрянула.

– Что значит «каждый цикл»? – напряженно спросила драконесса.

Гурд помолчал.

– А ты точно хочешь знать?

– Точно.

– Ну... – минотавр вздохнул. – Все это плохо кончится, но так и быть. Скажу. Видишь ли, здесь никто не умирает. Когда заканчивается большая война, солнце ненадолго гаснет, а затем все убитые воскресают в городах и война начинается вновь.

– То есть как?! – воскликнула Тень.

– Хыррр... – Гурд почесал себя за рогом. – Уволь, девочка. Не имею понятия.

Просто знаю, как оно бывает.

Потрясенная драконесса села на хвост.

– И как? – спросила тихо.

– Да проще вареного импа, – ухмыльнулся минотавр. – Вот кто сейчас воюет? У всех войн на моей памяти было лишь пять причин. А уж войн я повидал... – он тяжело покачал головой.

Тень от волнения дергала хвостом.

– Мне говорили, королева Изобель ведет войну с демонами за душу своего погибшего супруга. Подробностей не знаю, я нездешняя. – Изобель? – минотавр наморщил лоб. – Ага, припоминаю. Не худшая война из возможных... Хотя, тут кобыла хвостом надвое махнула, вскоре королева подружится с некромантами, спятит и предаст всех союзников. А может, уже предала, нам–то почем знать.

– Тебе известно будущее? – тихо спросила Тень. – Нет, только прошлое, – очень серьезно ответил Гурд. – Пойми, ящерка, все это уже было. Сотни раз. Ну как объяснить... – он поскреб себе шею. – Вместе с войной завершается мир... Ышх, ну я и сказанул, самому непонятно! В общем, так: мы живем, пока воюем. Стоит войне кончиться – вместе с ней останавливается время. А потом делает кувырок! И все начинается снова, просто никто не помнит о войне. Никто, кроме меня... – глухо

добавил минотавр.

Потрясенная драконесса долго, молча, на него смотрела. – Ну, чего уставилась–то? – не выдержал тот. – Задумка не моя, уж поверь. Я бы тех, кто это придумал... – Гурд оглянулся в поисках заменяющих слов, ничего не нашел и закончил: – ...ну, мягко выражаясь, му– у, му– му и еще шесть миллиардов раз м– мууу в каждую дыр... дырявую башку.

Тень сглотнула.

– Н– н– но... Но это же чушь!!! – внезапно взорвалась драконесса. – Что ты мелешь?! Я вылупилась в Аксеоте сорок шесть лет назад, я прекрасно помню свою жизнь! Да и как такое забыть?! Знаешь ли ты, что люди творили с драконами в моей стране?! Мне было семнадцать, когда охотники перебили нашу семью, а меня поймали и отвезли на завод, где драконов резали, чтобы делать из наших костей смертоносных механических чудищ! Опасаясь, что крылатых вскоре не останется, хозяева ловили нас, молодых драконесс, связывали и копьями заставляли пленных драконов овладевать нами! В клетках! Мне еще повезло – когда я принесла первое яйцо, и из него вылупилась Диара, моя дочь, нас выкупил гарнизон одной пограничной крепости, чтобы использовать как сторожевых зверей! Там мою дочурку спрятали в подземелье а на меня наложили заклятие, и я служила им, служила как верная псина! Так ты говоришь, всего этого не было?! – расвирепевшая Тень хлестнула себя хвостом. – Может, не было и великого дракона Коршуна, первого из свободных крылатых, кто поднял в моей стране революцию и очистил ее от скверны? Мне все это снилось, а, Гурд? Удивленный минотавр почесал в затылке.

– Где такие страхи–то творились?

– В Аксеоте, – глухо ответила Тень. – Страна. За морем. После революции там уже можно жить, но мы с Диарой насмотрелись такого... Просто не могли остаться. Ходили слухи, что здесь, в Ашане, драконов уважают и даже поклоняются нам, как богам. Вот мы с малышкой и стали... эмигрантами, – драконесса передернула крыльями. – В сравнении с Аксеотом здесь, конечно, просто рай. Только мы искали мирную жизнь, а нашли очередное поле брани... Она слегка успокоилась и опустила голову.

– Диара давно выросла, сейчас она живет в одном из городов темных эльфов.

А я просто не могу себя заставить. Как вспомню клетки и людей с бичами... – на всех лапах драконессы непроизвольно выдвинулись страшные когти. – С тех пор я летаю по самым диким местам, живу то там, то здесь. Гашу боль в реке времени.

Тень посмотрела в глаза минотавра.

– Если ты говоришь правду, все эти муки... Все мои страдания, боль моего ребенка, смерть всех, кого я любила – все повторится? Повторится сотни раз?

– Может быть, – негромко ответил Гурд. – Я не знаю, девочка. Мне лишь известно, что я тысячи раз умирал. В сотнях битв, десятками способов. Меня пронзали, насаживали на колья, сжигали драконы, демоны и ракшасы разрывали в клочья, гидры затаптывали, а маги брезгливо испепеляли молниями. Та же судьба ждала сотни тысяч других солдат, и я ничем их не лучше. Просто меня прокляли памятью. Я помню каждую смерть, они – страшатся первой. Они возрождаются и верят, что жили – и только я, возрождаясь, помню, что умирал.

Минотавр покачал могучей головой.

– Это началось пять сотен лет назад, в кошмарных туннелях Зиндана. За нами гнались демоны и, удирая от них, мы добрались почти до центра Земли. А тем временем, на поверхности король Роланд ухитрился – таки одержать вверх над врагами, и большая война завершилась. Солнцу настала пора гаснуть, да вот нас – то предупредить забыли... – Гурд тяжело вздохнул. – Надо сказать, смена цикла, пока не разогналась, выглядит жутко: эдакая все пожирающая волна тьмы. Ну, мы, понятно, распрощались с жизнями, и тут меня угораздило шандарахнуть секирой по скале аккурат в тот миг, когда подкатилась черная волна. Скала, она что? Поддалась, мать ее... – минотавр сплюнул. – Я куда-то провалился, уж и не помню, куда. И все. С тех пор эта чертова волна на меня не действует. Скоро уж пять сотен лет минует с того дня, девочка, а мне хоть бы хны! Убивают, возрождают, снова убивают, как и всех... А я помню. Да забыть не могу, мать их!!!

Гурд стукнул кулаком по ладони.

– Так и живу. Пять веков. И хотя даже я не припомню таких ужасов, что ты рассказала – поверь, дракоша, боли я на своем веку испытал больше, чем все остальные, вместе взятые.

Тень молча смотрела на старого воина. Тот, вздохнув, поднял из травы вторую

секиру и внезапно, к полной неожиданности драконессы, весело рассмеялся.

– Не бери в голову, крылатка, – Гурд озорно подмигнул. – Может, все, что я рассказал – такая же клюква, как остальное? Вдруг я впервые возник из воздуха, когда дикая кошечка сделала тебя доминаром, а все, что я помню и знаю – просто вложено в меня создателем? Кто знает? По мне, так уж лучше верить, что кровь и боль прошлого живут лишь в воображении бога– садиста, а на деле мир создали час назад, и он белый, пушистый и теплый, мууу. Так ведь лучше, а, девочка? Что скажешь?

Драконесса тяжело вздохнула и покачала головой. – Прости, Гурд, – сказала она тихо. – Ты в сотни раз старше меня и, думаю, во столько же раз умнее, но рисковать в битвах приходится именно тебе, а я...

– Э– э– э, кончай распускать слюни, – решительно прервал минотавр. – Ты ж дракон, у тебя слюни горючие –того и гляди пожар устроишь! – он фыркнул. – Да если офицеры простых солдат жалеть начнут и сами вместо них в пекло полезут – эдак скоро и воевать некому будет! Вставай– ка лучше, займемся делом. Про мага не забыла?

– Не забыла, – Тень поднялась из травы и сложила на спине крылья. – Вот что, Гурд. Едва мы вернемся к ракшассе, я заставлю ее сделать и тебя доминаром. Ни слова! – драконесса сверкнула глазами, видя, что минотавр хочет возразить. – Я так решила.

Гурд аккуратно положил секиру в траву, почесал себя за рогом и вновь поднял оружие.

– Доминар... – протянул он. – А что, с моей–то выслугой... Давно пора в генералы!

И лишь когда они с Тенью двинулись в сторону дороги, минотавр, как бы невзначай, спокойно заметил:

– Кстати... Что–то мне подсказывает: заклятие смены касты, а может, и не только оно, записано на том серебряном диске, что ты забрала у Скелтара.

Драконесса остановилась как вкопанная. Под ее горящим взглядом, минотавр невинно пожал плечами и крутанул секиры в ладонях. Зловещий звук раздираемого сталью воздуха плетью прошелся по нервам.

Угрюмая Мр'ха неторопливо вычесывала кисточку своего хвоста. Чем выше солнце взбиралось по небосклону, тем жарче становился день. Приятный ветерок, игравший в волосах утром, незаметно стих, и удушающая жара – как перед грозой – толстым ватным одеялом накрыла долину. Настроение у ракшассы было ужасным. Нет, в честности драконши она не сомневалась – Мр'ха была опытнейшей воительницей, странствовала по всему миру и повидала сотни чешуйчатых монстров. Определенная наивность и странная, зачастую совсем детская уверенность в наличии на свете некой «справедливости» была присуща подавляющему большинству драконов, так что обещанию Тени отплатить добром за добро, Мр'ха верила. Депрессия была вызвана чем-то другим. Смутным, ускользающим ощущением тоски. Мр'ха не знала, что грызет ее сердце, это было похоже на жажду – и в то же время ничуть ее не напоминало. Ей хотелось... чего-то! Мр'ха не понимала своих ощущений, а подобного с ней не случалось никогда. Ее беспокоили слова драконши о том, что некромант, знающий о погоне, не позволил бы врагам загнать себя в долину без выхода. Это, черт возьми, было правдой – Мр'ха отлично знала Склтара. И зачем он вообще свернул с тракта в местную глушь? Склтар прекрасно сознавал, что Мр'ха никогда его не догонит на открытой местности, но, тем не менее, сам углубился в горы, где охотница могла легко сократить отрыв...

Все странности последних дней, будто сговорившись, разом заявили о себе. Месяц назад подслушанный разговор Склтара зарядил Мр'ху такой яростью, что исключительная способность к логическому анализу – то, чем она всегда отличалась от прочих рабынь – рани – временно куда-то испарилась. Мр'ха попросту обезумела от злости, услышав, что ее новый благодетель, мудрый и справедливый маг Склтар, воскресил убитую рабыню, желая использовать ее печень в каком-то грязном ритуале, а из остатков тела... Грррау!!! Даже сейчас, спустя месяц, Мр'ха судорожно напряглась, борясь с бешенством.

– О, предки... – она зажмурилась, вцепившись когтями в землю – Зачем вы лишили меня мести, зачем...

«Да что б ты снова научилась мыслить, кошка синяя!» – довольно резко сама себе ответила Мр'ха. Предки, в отличие от нее, мудры и жестоки. Мр'ха лишь теперь, на волоске от гибели, загнанная в ловушку могущественным врагом и всецело зависящая от рискованного плана незнакомого дракона – да, лишь теперь она нашла время перевести дух и подвергнуть обстановку спокойному анализу. Воительница словно наяву видела насмешливый оскал предков. Вот они, смотрят на нее из могил, презрительно дергая хвостами! – Госпожа...

Откуда взялась тоска? Чего хочется сердцу? Мр'ха была убежденной реалисткой и не сомневалась, что у всего на свете есть причины. Ее текущее мрачное состояние также должно было иметь объяснение. Беда лишь в том, что Мр'ха этого объяснения не видела. Она не понимала, что ее гложет, и это бесило рациональную и умную ракшассу. В предчувствия Мр'ха не верила. – Госпожа...

Воительница заставила себя глубоко и спокойно вздохнуть. Будем рассуждать логично. Год назад, когда Мр'ха была простой рабыней и даже не помышляла о свободе, ее изранили до полусмерти в малозначимом походе на восток. Терять огромные деньги, вложенные в опытную и отлично обученную ракшассу, ее хозяин не хотел, и Мр'ху оставили в ближайшей серварской деревеньке для лечения. Там она познакомилась с удивительным человеком – беглым рабом, скрывавшимся в деревне от хозяев соседней каменоломни. Тощий, изможденный северянин кашлял кровью и все понимали, что жить ему оставалось не дольше месяца. Он и сам это знал, странный беглец, променявший подземные штольни на сырость крестьянского погреба. Мр'ха на всю жизнь запомнила его потрясающие, светящиеся внутренним светом глаза. Таких людей сервары называли «изведавшими неба», намекая на скорую смерть. Прозвище оказалось точным: беседы с беглецом поистине вознесли израненную ракшассу к новым высотам, да и смерть не заставила ждать. Вначале, жестокий приступ кровавого кашля забрал северянина, а вскоре и Мр'ха, неспособная боле жить как рабыня, подняла бунт. Свободной – и живой – она оставалась долгие четыре недели... – Госпожа! – феечка в отчаянии упала перед громадной ракшассой на колени. – Госпожа, придите в себя!

Мр'хе пришлось не на шутку напрячь волю, чтобы исполнить просьбу.

– Ну? – раздраженно спросила воительница. – Чего надо? – Смотрите! – феечка протянула хозяйке массивную, прихотливо изогнутую блестящую штуковину, отдаленно напоминавшую толстый серп. – Я нашла в кустах. Это артефакт, да, госпожа?

Мр'ха удивленно моргнула.

– Артефакт ты бы поднять не смогла... – машинально отозвалась ракшасса.

– Они для доминаров. Ну– ка, дай взглянуть...

Предмет оказался настолько тяжелым для своих размеров, что Мр'ха от неожиданности чуть его не уронила. Металл тускло отливал серебром, и все же это не было серебро – как и не сталь, не бронза и не любой другой известный металл. По форме, странная находка больше всего напоминала две рукояти восточного прямого меча, скрепленные толстой и широкой перемычкой из того же металла. Общий изгиб рукоятей и перемычки составлял дугу, так что в целом предмет походил на серп, чьи оба рога представляли собой рукояти, а широкую среднюю часть украшала довольно большая прямоугольная пластина из дымчатого хрустала. Вернее, она выглядела точь– в–точь как дымчатый хрусталь, но была немного мягкой и – удивительно! – теплой на ощупь.

Та часть рукоятей, что предназначалась для ладоней, была сделана из неизвестного пористого материала, напоминавшего черную телячью кожу. С изнанки предмет состоял из нескольких отлично подогнанных друг к другу деталей сложной формы; когда Мр'ха потянула за маленький рычажок, одна из деталей с холодным клацаньем переместилась относительно другой и заняла новое положение. Вернуть ее обратно Мр'ха не сумела. – Изделие эльфов? – предположила охотница.

– Нет, госпожа, – робко возразила феечка. – У нас такого не делают.

– Но я уже видела этот блеск.

– Да, госпожа, видели, – феечка несмело улыбнулась. – У старого хозяина был диск, который...

– ВОТ ОНО!!!

Мр'ха вскочила, судорожно дергая хвостом, вся ее шерсть встала дыбом.

Феечка от неожиданности пискнула и в страхе зажмурилась.

– Вот зачем он стремился сюда!!!

Мр'ха с силой втянула воздух. Наконец все прояснилось! Здесь, в этой долине Скелтар нашел свое главное сокровище. Должно быть, здесь остались и другие предметы неизвестной цивилизации! Некромант говорил, что в сравнении с самым простым заклятием из изложенных на диске, вся известная магия не стоит и выеденного яйца. А что, если этот предмет тоже обладает магической силой? Он вдвое больше диска, и рун на поверхности не видать, но кто знает этих древних мудрецов, они способны на все... – Как твое имя? – быстро спросила Мр'ха. Перепуганная феечка, дрожа, жалась к ее ногам.

– Аэяэ, госпожа.

– Да уж... – охотница фыркнула. – Аэяэ, слушай внимательно. Сейчас ты должна взлететь и осмотреть с высоты окрестности. Ищи необычное! – Да, госпожа... – покорно отозвалась феечка. С тихим жужжанием заработали стрекозиные крылья, и маленькое существо устремилось ввысь. Мр'ха с трудом сдерживала возбуждение, ее тоска испарилась. Артефакты! Новая, неизвестная в мире магия! Первый же опыт Скелтара по использованию найденных в долине заклятий позволил ему не просто воскресить свежееубитую ракшассу– беглянку, но превратить ее в доминара, нарушив извечное триединство каст и посеяв настоящую панику в совете Серебряных городов. Маги боялись не ракшассы – Мр'ха отдавала себе отчет, что еще долгие годы не будет представлять серьезной угрозы для сильнейшего в мире народа. О нет, колдуны страшились распространения заразы. Достаточно одному солдату стать доминаром – известие об этом разлетится по свету со скоростью молнии, и армии моментально взбунтуются. На этом–то Мр'ха и строила планы своей мести...

– О, предки, – прошептала воительница. Неужели, возможно ли, что ей – боевой львице, рожденной в лаборатории Аль– Сафира с единственной целью сражаться и умереть в рабстве – возможно ли, что ей удастся изменить жестокий мир, помешанный на крови? Припугнуть или уничтожить магов, освободить народ ракшей из рабства, основать собственное королевство! Ведь есть же страны у эльфов и гномов, даже у демонов! Мр'ха зажмурилась от волнения. Королевство... Где–нибудь на юге, в родных степях, где заводчики магов учат детенышей охотиться прежде чем

отобрать лучших для армии... Могучее, неприступное королевство! Она построит город, свой собственный, персональный город, где жить будут лишь ракши, а маги, на коленях, с горестными воплями, станут умолять стражей открыть им ворота. Грррау, пусть кричат, долго же им придется просить!!!

Сверху послышалось жужжание и фея, тяжело дыша, опустилась в траву.

Мр'ха с большим трудом вернулась к реальности. – Поблизости только деревья да скалы, госпожа, – доложила феечка. – Но всюду разбросаны куски такого же металла. Когда мы осматривали долину, пять дней назад, я издала решила что это волшебная полянка, усыпанная алмазами...

– И ничего мне не сказала? – грозно спросила Мр'ха. – Госпожа... – фея затрепетала. – Вы приказали искать дороги и гарнизоны! Я не думала, что простая волшебная полянка имеет значение... – Ну конечно, для фей алмазы в траве обычное дело! – Мр'ха хлестнула себя хвостом. – Гррррау, откуда только берутся столь бесполезные существа, как ты?!

Аэяэ мечтательно закрыла глаза.

– Мы рождаемся в полночь, под светом бесподобной луны, из волшебных цветов именуемых орхимариями. Добрые деревья дают нам укрытие до утра, а утром воздух наполняет аромат нектара и начинается жизнь... – Мой вопрос не требовал ответа, – мрачно заметила воительница. – Хоть указать, где лежат самые большие куски металла, ты сможешь? – Конечно, госпожа, – феечка с готовностью расправила крылья. – Это недалеко, сил вам должно хватить!

Мр'ха сомневалась, что сил хватит, но показывать слабость перед этой... Перед ЭТИМ сгустком бесполезной радости жизни? Легче откусить собственный хвост и на нем же повеситься.

Охотница уже двинулась в путь, когда прямо за ее спиной послышался смертельно знакомый звук, и слабый порыв ветра шевельнул синюю шерсть ракшассы. Оборачиваться Мр'ха не стала; не было смысла. Так, стоя спиной к врагу, она выслушала стандартную формулу вызова на поединок и невольно зажмурилась, когда окружающая реальность привычно расплылась, формируя вокруг доминаров поле сражения. Раньше, бывало, Мр'ха кидалась в бой с восторженным воем и дралась так, что кровавые брызги окружали ее подобно туману. Несколько раз, ей

помнилось, мясорубка длилась столько времени, что ятаганы раскалялись и кровь с клинков испарялась клубами сладковатого пара, придавая воительнице воистину демонский вид. Так было годами... Пока ее не убили. Глубокий, непреодолимый ужас перед небытием впитался Мр'хе в самое сердце. Она боялась не боли – ранения часто несли больше страданий, чем тот, единственный, смертельный удар, что нанес ей магистр Файзил– и– Шериф шесть месяцев назад в окрестностях города Аль– Сафир. Нет, Мр'ха боялась не боли...

Она страшилась потерять целый мир. Утратить надежду, распрощаться со всеми мечтами. Раньше у Мр'хи, по сути, и не было никаких мечтаний – о чем может грезить боевое животное в перерывах между сражениями? Потом была встреча с тем странным рабом, а ведь Мр'ха даже не узнала его имени. Несколько бесед – и пробуждение. Новая, недолгая жизнь прозревшей рабыни, закончившаяся так, как и должно: бунтом и кровью. И несколько дней свободы.

Мр'ха медленно открыла глаза. Призрачные стены боевой площадки колыхались вокруг, струясь будто воздух над костром, где горели все ее мечты о будущем королевстве. Звуки разом пропали, к ушам будто прижали подушки. Пахло близкой смертью.

– Файзил– и– Шериф аль Халами уль Сагари ибн Сар– Фаррах аль Халами ибн Сар– Азиз аль Сагари уль Хатшеби, – размеренно произнесла ракшасса. Маг за ее спиной сложил перед грудью ладони и слегка наклонил голову.

Глава 5

Файзил смотрел на великолепного разумного зверя, застывшего по ту сторону поля брани, и мысленно проигрывал различные версии грядущего боя. На что способна Мр'ха, если ее, как сейчас, загнать в угол, магу было хорошо известно.

Пожалуй, более опасного противника он бы не встретил, даже вызвав на поединок короля демонов. И все же Файзил не сомневался в победе. Беспокоило его другое – грифон, странный полуживотное, считавший себя человеком, мог погибнуть в

бою, унеся свою тайну, а Файзил всем сердцем жаждал сию тайну раскрыть. Быть может, стоит рискнуть и оставить птицу в резерве, приняв бой лишь на пару с эльфом? С такой противницей, как Мр'ха, это чертовски опасно... Нет, грифон слишком важен. Повинуясь жесту мага, пернатый зверь беззвучно растворился в воздухе, покинув поле брани. Тем временем, ракшасса наконец собрала волю в кулак и, не спеша, обернулась. Ее единственный солдат – смертельно испуганная феечка – обреченно застыла на своей позиции, готовясь к неминуемой смерти, когда первая же стрела Тинфалана или молния Файзила оборвут ее хрупкую и ничем не примечательную жизнь. Подумав об этом, Мр'ха ощутила странную боль. Она подняла голову и встретилась взглядом с Файзилом. Маг слегка нервничал, это было заметно, но еще яснее просматривалась его уверенность в победе. Ракшасса на миг зажмурилась, стараясь побороть черный ужас. – Я атакую первой, – сказала она мертвым голосом. Файзил на своем конце поля развел руками:

– Милости просим.

Эльф натянул лук, маг сцепил пальцы перед собой и потянулся, перебрав широкими плечами. Мр'ха судорожно вздохнула. – Прошу капитуляции, – сказала она размеренно.

Файзил поднял брови, феечка от изумления села прямо там, где стояла.

Некоторое время маг размышлял над словами ракшассы. – Зачем? – спросил он наконец. – У тебя нет города, куда можно отступить, и ведь ты знаешь, я не могу оставить тебя в живых. – Знаю, – спокойно ответила Мр'ха.

Файзил прищурил глаза.

– Беспощадная хищница стала сентиментальной? – с легкой насмешкой в голосе спросил маг. – Жалеешь солдат?

У Мр'хи от ненависти потемнело в глазах, но ответить она сумела спокойно:

– Я испытала смерть на себе и не хочу, чтобы по моей вине подобное испытал еще хоть кто-нибудь.

– Похвально, похвально... – Файзил скрестил руки за спиной. – Что ж...

Я принимаю капитуляцию.

В тот же миг призрачная завеса вокруг поля битвы бесшумно распалась. Необоримая сила вынудила Мр'ху опуститься на колени, она застонала от гнева и

унижения. Маг подошел к ней вплотную. – Я не заставлю мучаться, – сказал он негромко и поднял руки. Мр'ха зажмурилась. Однако смертельной вспышки не последовало: чье-то стремительное, грациозное тело с воплем обрушилось на Файзила, сбив его с ног. Грифон превратился в сплошной шар из распущенных перьев, гневного клекота и пылающих яростью глаз.

Маг приподнялся на локте и с изумлением взглянул на пернатого зверя.

– Ты?.. – сам себе не веря, выдавил Файзил.

– Угу!!! – с таким бешенством отозвался грифон, что маг даже не сразу опомнился. Потрясенный Тинфалан уронил лук. – Как он сумел?! – вырвалось у эльфа, но он тут же прикусил язык. Маг бросил на воина подозрительный взгляд.

– Все это очень странно... – пробормотал Файзил. Напрягшись, он поднялся с земли, тщательно отряхнул халат и привычным жестом огладил бороду.

– Солдат не может напасть на доминара, которому служит, – размеренно произнес маг. – Это столь же невозможно, как и смена касты. Однако в последнее время невозможное часто становится былью, да, птица? Грифон смело глядел на мага. Его бока вздымались, дыхание с шумом прорывалось сквозь ноздри у основания клюва. Бело– золотые перья по– прежнему стояли дыбом, хвост нервно хлестал по сторонам. Файзил скрестил за спиной руки.

– Хочешь спасти ракшассу? – спросил маг. – Ты осознаешь, что она капитулировала? Мр'ха уже мертва. Казнь просто формальность, фактически я избавляю ее от мук, ведь она больше не может двигаться. – Угу! – яростно бросил грифон, с угрозой приоткрыв клюв и распахнув крылья. О том, что на сей раз слово «угу» значило «нет», догадался бы и тупой демон.

Файзил задумчиво перебрал пальцами.

– Зачем тебе ракшасса? – спросил он, внимательно наблюдая за реакциями птицы. – Надеешься стать доминаром, как она, и бросить мне вызов? – Угу, – коротко, отрывисто ответил грифон.

– Она уже не сумеет превратить тебя в доминара. Все кончено! – резко сказал маг.

– Проверим... – тихо, сквозь зубы прошептала Мр'ха. Напрягая все силы, борясь с чудовищным давлением, прижимавшим ее к земле, воительница подняла

голову и начала беззвучно читать заклинание.

Файзил, как ужаленный, обернулся:

– Нет! – маг взмахнул рукой, и слепящая молния ударила в лоб коленопреклоненной ракшассы. Беззвучно, не успев даже вскрикнуть, Мр'ха мертвой упала на траву. Ее синяя грива обуглилась, гордые глаза остекленели и потухли. К телу воительницы с криком подбежала феечка, ставшая теперь вольной.

– За что? – сквозь слезы, спросила она. – Госпожа сдалась, чтобы спасти мою жизнь! За что ты ее убил?!

Файзил не ответил; он смотрел на грифона. Тот лежал на боку. Хрипло дыша, птицевзверь царапал землю когтями, корчась от боли, будто в агонии. – Помнится, ты говорил что здесь никто не умирает... – негромко, сам для себя произнес Файзил. – Думаю, сейчас твоя вера проходит самую жестокую проверку.

Он скрестил на груди руки. Грифон, судорожно, со свистом дыша, поднял взгляд. Его клюв приоткрылся в отчаянной попытке заговорить, но вместо слов раздался лишь клекот. Пернатый скрутился клубком, дергаясь от боли, раскрыв клюв в беззвучном вопле. Спустя некоторое время он накрыл голову крыльями и сжался в комок. Файзил перевел дыхание. – Успел... Ничего с ним не станется, скоро придет в норму, – сказал он эльфу, молча наблюдавшему за всей сценой. – Фею не трогай, она к нам не присоединится. Пусть летит на все четыре стороны. Я буду отдыхать в фургоне; сними шкуру с ракшассы и отрежь голову. Тинфалан вздрогнул.

– Быть может, ее лучше похоронить, господин? – негромко спросил он.

– Чтобы очередной некромант ее воскресил? – фыркнул маг. Эльф молча поклонился. Файзил, нервно перебирая пальцами, направился к фургону. Его слегка беспокоил крупный черный дракон, хлопавший крыльями у скал, в полумиле от места гибели Мр'хи.

Минотавр держал Тень за шею, прилагая все силы, чтобы не дать огромному дракону взлететь. Крылатая шипела от гнева, когти ее задних лап уже прокопали в земле глубокие борозды. Кончик хвоста драконессы непрерывно метался из стороны

в сторону.

– Ей уже не помочь, опомнись, девочка... – шептал Гурд. В конце– концов, его попытки возымели успех; прекратив вырываться, Тень свернулась клубком и сунула голову под крыло. Некоторое время слышно было лишь тяжелое дыхание минотавра.

– Мы все равно не успели бы ее спасти, правда? – спросила Тень из– под крыла.

Гурд с шумом выдохнул.

– Она сдалась. Она умерла, едва это сделала, маг просто довершил начатое. Крылатка, ну нельзя же так! – минотавр сокрушенно покачал головой. – Говорил же, здесь не умирают! Да, сейчас ее убили, но война вскоре кончится и Мр'ха возродится в городе вместе со всеми. Это жизнь! Другой у нас нет! Сама ведь сегодня прикончила некроманта!

Тень содрогнулась.

– Я сражалась! – с мукой прошептала она. – И убила в бою! А маг... Она на коленях стояла, Гурд, на коленях! Разве так можно?! Минотавр от души чертыхнулся.

– Откуда ты мне на рога свалилось, а, чудо без перьев?! По– твоему, есть разница, как умирать – на коленях или в бою?!

Тень так удивилась, что сложила одно крыло и, с подозрением, взглянула на Гурда янтарным глазом.

– Н– но...

– Подумай, прежде чем вякнуть глупость, – сурово сказал минотавр. – Подумай, а затем вякай.

Драконесса некоторое время молчала, затем, прикрыв глаза от боли, схватила зубами свой хвост и застыла. Гурд терпеливо вздохнул, просунул в пасть Тени древко секиры и нажал, размыкая драконьи челюсти. – Кусаясь, от правды не спрячешься, – заметил минотавр. – Ты ведь не вчера вылупилась, ящерка. И в клетке побывала, и птенца вырастила, и смертей повидала, уж как пить дать. С чего так убиваться–то? – Я могла ей помочь, – тихо сказала Тень. – Она сделала меня доминаром, доверила свою тайну. Я могла ей помочь.

– А я мог родиться птичкой и гадить на всех с высокой скалы, – Гурд пожал

плечами. – Мог бы, да не родился. Зачем сокрушаться о том, чего нет? И в том, что есть, веселого мало...

Драконесса села.

– Гурд, знаешь... Теперь я верю в твой рассказ, – сказала она негромко.

– Только столетия боли могут до такой степени очерствить сердце. – Не болтай чепухи, – улыбнулся минотавр. – Сердце у меня коровье, забыла? Большое такое, нежное. Просто у нас с тобой, в отличие от коров, кроме сердца есть еще кое-что, – он ткнул себя пальцем в лоб. – Научись пользоваться и тем, и другим, девочка. Да так, что б оба пользу несли, а не дрались с утра до ночи!

Гурд окинул свою крылатую хозяйку суровым взглядом.

– Ну? Опомнилась? Какие будут указания?

Тень молчала целую вечность.

– Атаковать мага нельзя, – сказала она наконец.

– Слава верховной ящерице!

– Но отпустить его я тоже не могу, – продолжила Тень. Минотавр насторожился:

– Ышх?

– Сейчас я сделаю тебя доминаром, и мы...

– Стоп! – Гурд вскинул руку. – Забудь, сразу. Я не вольный зверь, я твой воин, и другого у тебя нет. Потеряешь меня – останешься совсем без солдат и сгинешь, как любой доминар, проигравший битву. Драконесса покачала головой.

– Нет. Взгляни туда, – она расправила крыло и вытянула его в сторону стоянки мага. – После смерти ракшассы, ее фея стала вольной. Когда она присоединится к нам, ты перестанешь быть незаменим, и я сделаю тебя доминаром.

Гурд с подозрением прищурил глаза.

– А с чего бы ей присоединяться? Еле-еле от одной госпожи избавилась, и тут же кинется в объятия другой?

– Она присоединится, – спокойно сказала Тень. – Я вижу ее ауру.

– Чего?! – переспросил минотавр.

– Ауру, – ответила драконесса. – Я их и раньше смутно видела, до того, как доминаром стала, а теперь и вовсе издали различаю. Потому-то я и знала, что Мр'ха

не нападет – у меня дружелюбная аура. Гурд с силой почесал себя за рогом.

– А по– нормальному объяснить?

– Это как татуировка, – Тень подняла лапу и коснулась когтем лба. – Она есть у всех солдат, даже у тебя. Раньше и у меня была. Я встречала четыре ауры – дружелюбную, нейтральную, враждебную и дикую... – Но толк–то какой? – прервал минотавр.

– А ты подумай: вот, лечу я, скажем, по небу, и вижу внизу дракона. Если б я ауры не различала, то в жизни бы не рискнула с ним заговорить: а вдруг он враждебный и атакует всех, кто приблизится? Таких существ я за три версты облетаю, они... Они прямо на живых не похожи. – Вот как? – минотавр задумался. – То есть, сразу ясно, нападут на тебя или сначала поговорят?

– Ну... – Тень смутилась. – Примерно так, да. Сейчас я думаю, это секретный знак для доминаров...

Гурд помолчал.

– Надо же, – он поскреб себе шею. – Век живи, век учись. Бьюсь об заклад, мало кто из доминаров этот знак видит. Иначе половины драк избежали бы... А у меня какая аура? – с неподдельным интересом спросил минотавр.

Тень грустно улынулась.

– Дикая. Это значит, если ты станешь вольным, то никогда не присоединишься к доминарам и не попробуешь бежать. Только драться. – Ты глянь, раскусили! – восхитился Гурд. Фыркнув, он поднял свои секиры и зорко посмотрел в сторону лагеря мага. – В общем, так: сиди здесь и крыльями не шевели, пока не вернусь.

– Ты куда? – с тревогой спросила Тень. Минотавр пожал могучими плечами.

– Ну ты ж сказала, фея нужна. Пойду, притащу.

– Стой! – драконесса вздрогнула. – Тебя схватят!

Гурд ухмыльнулся.

– Я не вольный зверь, я твой солдат, забыла?

– И что?

– А то, – минотавр постучал себя по лбу. – Ты прям не от мира сего, крылатка! Будто не знаешь, что вызвать на бой можно лишь доминара или вольных. Вне поля битвы я для чужих доминаров не существую, меня нет, ведь я твой солдат, а ты

далеко– о– о...

Драконесса запнулась.

– Но тогда солдаты могут просто уйти от своего хозяина и не вернуться! – Если бы... – мрачно буркнул Гурд. – Стоит драке начаться, все тут же на своих местах окажутся, пусть хоть за море сбегут. Касты не для шутки, девочка... Уж коли я твоим воином стал, я и в самом деле твой, до смерти или пока не отпустишь.

Минотавр почесал за рогом.

– Говоря по– правде, конечно, солдатам положено следовать за хозяином и ни на шаг не отдаляться. Иные новички в это и правда верят. А на деле, ты думала, чем кормить всю ту ораву, что нередко за сильными командирами бегают? Я встречал доминаров, владевших полным легионом, и хорошо если крестьян, а ну как прожорливых, всюду сующих свой хвост, наивных до одури черных драконих?

Тень поникла.

– Мы совсем не прожорливые, – робко попыталась она возразить. – Драконам хватает двух– трех коз в неделю...

– Смеешься?! Думаешь, меня и правда волнует, кто сколько ест?! – возмутился Гурд. Драконесса ничего не ответила и минотавр, молча, упругим, пружинистым шагом, направился к лагерю Файзила.

Глава 6

Семь вершин, семь огней на великом пути. Семь дорог, но одна лишь позволит пройти. Семь героев найти, семь миров обойти, чтобы встретить народ, что должны вы спасти.

...ааааахр!!!

(Какая странная тишина. Словно и не тишина вовсе. Да нет, пожалуй, тишина... Тишина? Вроде да. А может, и нет.)

...дш... ...дш... ...дш... ...дш...

(Вот, кто–то говорит ...дш... – значит, не тишина. Хотя... Что есть ...дш...?)

Слово, лишенное смысла. Бесмысленные слова уже не слова, а звуки. Звуки, не являющиеся словами, есть шум. Шум... Какой странный шум. Словно и не шум вовсе.)

...ты здесь? Тебя здесь нет. Тебя здесь нет? Ты здесь. Ты здесь? Тебя здесь...

(Интересно, о ком оно говорит...)

– Я.

(Я. Осознающее себя углеродное разумное женского рода, мыслящее дискретными единицами информации, аналоговый суперпараллельный массив данных с ассоциативной выборкой, зависящей от бесконечного ряда факторов, с гибкой многомерной схемой перекрестных ссылок и химическим кодированием сигналов. Это я? Нет, не так... Благородная дочь, рожденная в миг слияния звезд Сад–аз–Заман и Аль–Карнайн, сказавшая четырнадцатидневной луне – ты не выходи, я выйду... Нет. Саади: счастлив тот удачливый судьбой, чей взгляд на подобное лицо падает каждое утро. Пьяный от счастья, он просыпается в полночь...)

– Шшшшшшш!!!

(Нет, у меня должно быть менее длинное... имя. ИМЯ! Опознавательный звук. Идентификатор ячейки данных, которая называется памятью, и спрятана в моей голове. А ведь я помню свое имя. Я все помню!!!) Мр'ха открыла глаза. Некоторое время она продолжала лежать неподвижно, разглядывая низкий потолок из плохо обработанного камня. Было довольно темно, единственным источником света служила тусклая, покрытая грязным налетом лампа, висевшая на проводе в углу... камеры. Да, эта клетушка подозрительно смахивает на камеру для рабов. А та светящаяся штука, висящая на проводе – кажется, зовется электролампой? Да, и веревочка, на которой она висит, называется «провод»... Теперь Мр'ха совершенно точно знала, что видит лампу и провод не впервые.

«Я уже бывала здесь», – отчетливо поняла ракшасса. И столь же ясно, без всякого волнения, осознала: ее убили. Все, как в прошлый раз... Нет. Не все. Мр'ха судорожно вцепилась когтями в подстилку, ощутив, что в камере она не одна.

Ракшасса повернула голову и каким–то чудом сумела не завизжать от ужаса: рядом с ней, на той же подстилке, лежало обнаженное тело некроманта Скелтара. Колоссальным усилием воли Мр'ха удержала первый порыв вскочить и, не двигая

даже хвостом, принялась размышлять. Способность к логическому анализу всегда была ее сильной чертой.

Некромант здесь. Значит, он мертв и, следовательно, Тень справилась с задачей. Молодец, драконша! Однако, в прошлый раз, помнится, Мр'ха оказалась в камере одна, и пробыла здесь недолго: «там», в мире живых, Склелтар выкопал ее труп.

В мире живых... Мысли ракшассы обрели новое направление. Почему она сразу вспомнила камеру? И откуда, о предки, ей известно, как называются лампа и провод? Ведь пока Мр'ха оставалась живой, она даже не подозревала, что в ее памяти хранится ТАКОЕ.

И почему, о предки, она в одной камере со Склелтаром?! Убила–то его Тень!!! Неужто доминарам, в отличие от солдат, не положен персональный... Гроб?..

Мр'ха глубоко вздохнула. Очень тихо, грациозно– кошачьи, обнаженная ракшасса поднялась на ноги. Ей пришлось склонить голову, чтобы не удариться о потолок – камера была слишком мала для громадной боевой львицы. И это, наконец, пустило мысли ракшассы в правильном направлении: она вспомнила, что в прошлый раз клетушка была вполне подходящих размеров. – Тут все рассчитано на людей... – вслух прошептала пораженная Мр'ха. И обернулась к некроманту.

Конечно, так и есть. «Ракшассы не бывают доминарами» – сказала Тень. Точно, не бывают. Настолько не бывают, что для них даже подходящих камер не успели построить.

Мр'ха судорожно сглотнула. Ее мозг работал на полную мощность, разум был кристально чист, никогда раньше воительница не чувствовала себя столь свободно. Ракшасса начинала догадываться, почему оказалась в одной камере со Склелтаром.

Она просто не была учтена. Ее имя не значилось в списках доминаров. Когда ее убили, что–то, управляющее душами погибших, растерялось, не зная, куда девать лишнюю душу. И сунуло ее в камеру к самому свежему покойнику –только что убитому Склелтару...

Мр'ха зажмурилась. Было и другое объяснение: ведь именно Склелтар воскресил ее в прошлый раз. Это могло создать какую–то связь между ними. Так или иначе, благодаря счастливому случаю, Мр'ха оказалась живой в царстве мертвых.

Открыв глаза, ракшасса впервые рискнула осмотреться. Камера, как она смутно помнила, ничем, кроме размеров, не отличалась от ее предыдущего «гроба». Но в прошлый раз Мр'ха не могла двигаться и просто лежала на подстилке, глядя в потолок. Слишком сильным было потрясение. Но почему, по какой причине память об этом месте не посещала ее в мире живых? Даже сны, даже смутные обрывки воспоминаний – ничего! О своей первой смерти Мр'ха помнила лишь темноту, быстро стихающую боль – а затем вспышку и страшные судороги, когда некромант возвращал ее к жизни. Ракшасса стиснула зубы. Так или иначе, ответы на все вопросы наверняка знал Склелтар. Опустившись на колени, Мр'ха склонилась над телом колдуна. Некромант лежал неподвижно, однако дышал, и грудь его равномерно вздымалась. Ракшасса некоторое время выжидала, нависнув над Склелтаром, но тот не приходил в себя. Решившись, Мр'ха протянула лапу и осторожно перевернула тело колдуна на живот.

Тут же стало ясно, почему Склелтар оставался без сознания: под его головой, в полу обнаружилась металлическая пластинка с двумя шипами. Гнезда для этих шипов – маленькие, оправленные в металл дырочки – скрывались в волосах, на затылке некроманта. Вздрогнув, Мр'ха вскинула руку – так и есть, аналогичные гнезда имелись и в ее голове. Со странным чувством ракшасса осознала, что пришла в себя и смогла встать только потому, что в камере Склелтара имелся лишь один... терминал, и он был уже занят.

– Терминал... – прошептала Мр'ха. Верно, так это называется. Прямой доступ в память. Однако в мире живых у ракшассы не было никаких дырочек на затылке! Рассвирепев, Мр'ха с силой потрясла неподвижного Склелтара за плечо.

Тот глубоко вздохнул. И открыл черные глаза.

Довольно долго человек и львица смотрели друг на друга. Мр'ха тяжело дышала, напрягая волю чтобы обуздать глубоко укоренившуюся в сердце ненависть. Склелтар молчал.

– Ну? – спросила наконец ракшасса.

– Слушаю тебя, – спокойно отозвался колдун.

Мр'ха сузила глаза.

– Я хочу знать правду.

– Правду? – Склелтар с трудом сел и, поморщившись, дотронулся до затылка. – Боги, как раскалывается голова...

– Отвечай!

– Вот привязалась к старому магу, – недовольно буркнул колдун. – С чего ты взяла, что я знаю правду? И какую правду? Их много, киска.

Мр'ха хлестнула себя хвостом:

– Ты все спланировал! Заманил меня в долину, чтобы я убила тебя и погибла от рук Файзила. Теперь я вижу твой план! – Умница, – Склелтар усмехнулся. – Я всегда подозревал, что ты умнейшая мурка по обе стороны гроба.

Мр'ха негромко зарычала.

– Лучше не испытывай мое терпение, хозяин. Зачем ты хотел умереть?

– Чтобы оказаться здесь, – коротко ответил Склелтар.

– Но сюда попадают все, так или иначе!

– А мне не нужно «так», – сказал колдун. – Мне нужно «иначе».

Он улыбнулся.

– Ты права, каждый после смерти попадает в Зиндан. Но ведь не у каждого есть такая роскошная мурка? Большая, синяя, пушистая, и до того любопытная, что даже на том свете спать не даст и вовремя разбудит... – колдун подмигнул.

Мр'ха застыла.

– О, предки... – прошептала она.

– Соображаешь? – Склелтар зябко потер себе плечи.

Ракшасса сглотнула.

– Так ты планировал все это даже раньше, чем меня воскресил?!

– Поправка: я имел план, потому–то и воскресил, – уточнил маг.

Мр'ха отпрянула.

– Но это же... Откуда ты знал, что я не растерзаю тебя, едва увидев?!

Склелтар пожал плечами.

– Кто–то рискует, кто–то воняет. Я долго искал подходящего кандидата.

Достаточно умного, чтобы ему довериться, слишком эмоционального и горячего, чтобы разгадать мой план раньше времени, и столь любопытного, что б даже после смерти он не утратил энергии и решил бы привести меня в чувство...

Он криво ухмыльнулся.

– Ты подошла идеально.

Мр'ха дернулась, но удержала себя в руках. Ненавидеть колдуна было поздно. Глубоко вздохнув, ракшасса уселась на холодный каменный пол и обернула хвост вокруг лап.

– Что ж, твой план сработал, – сказала она мрачно. – Поздравляю... – Спасибо, – с неожиданной для него теплотой отозвался Скектар. – Я в тебе не ошибся. Ты очень высоко прыгнешь, мурка. Верь старику. Настанет день, и маги с плачем приползут к подножию твоего трона. Мр'ха содрогнулась. Ее заветная мечта! Как?! Откуда он знает?! Скектар с легкой улыбкой следил за изумлением ракшассы, но та быстро справилась с собой.

– Всегда на шаг впереди, да, хозяин? – Мр'ха дернула хвостом. – Рано или поздно я все равно тебя настигну.

– Уж кто бы сомневался... – пробормотал Скектар. Львица с шумом перевела дыхание и встала, нервно помахивая кисточкой на хвосте. – Где мы? – Мр'ха обвела взглядом камеру. – Я смутно помню такое же место, когда меня убили в первый раз. И еще я помню то, чего не могу, не должна помнить! Откуда мне известно, что это... – она кивнула на лампочку – ...называется электричеством?! И что значили странные вещи, о которых я думала, прежде чем придти в себя?

– О чем ты думала? – немедленно спросил Скектар.

Ракшасса опустила голову.

– Не знаю. Какие-то массивы, звезда Аль-Карнайн, углеродные существа...

Я помню свои слова, но совершенно не понимаю их. – А ты и не должна понимать, – улыбнулся колдун. – Ты просто нахваталась видений, так как лежала рядом с моим терминалом. Наводки. Мр'ха вздрогнула.

– Верно, эта штука зовется терминалом... – она встрепенулась: – Да!

Понимаю! Значит все, что я помню, предназначалось тебе?

– Умная киска.

– Кто же ты? – негромко спросила ракшасса. Ответ Скеттара ее поразил:

– Я предатель, – спокойно произнес колдун.

В камере повисла тишина. Мр'ха смотрела на Скеттара, тот молча ждал.

Наконец, сглотнув, ракшасса подалась вперед:

– Кого ты предал?

– Всех, – ответил Скеттар. – Вначале я предал смертных, пойдя на службу богам. А теперь я собираюсь предать и богов.

Он с трудом поднялся на ноги.

– Мурка, я знаю, что ты думаешь, – некромант вздохнул. – Еще бы не знать, ведь я сам взрастил твою ненависть. Но сейчас мы нужны друг другу больше, чем когда-либо. Только вместе мы выживем и вырвемся на свободу из этого адского подземелья.

Ракшасса обвела взглядом хмурые стены.

– Свобода... – прошептала Мр'ха. – Какова она, свобода, а, Скеттар? Я думала, что знаю, но теперь...

– Ты и теперь знаешь, – усмехнулся маг. – Свобода у каждого своя. Я скажу, что она значит для меня: жить и умирать по своей воле. Летать, если есть крылья. Дружить и самому выбирать друзей. Ненавидеть врагов, а не таких же, как ты, рабов, враждующих с тобой по приказу. Любить – и знать, что тебя любят.

Он шагнул вперед и положил руку на мощную шею львицы. – Я некромант, мурка. Я познал смерть во всех ее проявлениях, научился управлять ею и побеждать – только лишь для того, чтобы осознать: в нашем мире нет живых. Мы мертвы. Мы рождаемся мертвыми, и наша фальшивая жизнь – жестокая игра, пародия на истинный мир. Когда я понял это, правда свела меня с ума.

Скеттар хрипло втянул воздух.

– Кошка. Слушай внимательно. В то, что я сейчас скажу, поверить очень трудно, но придется. В нашем мире – там, наверху, – маг ткнул пальцем в потолок – обитают мириады живых существ, миллионы разумных. Для многих этот мир прекрасен и добр, большинство вообще не задается вопросом о смысле жизни. Они не знают, что погибли тысячелетия назад.

Мр'ха вздрогнула:

– Как погибли?!

– Семь вершин, семь огней на великом пути, – негромко произнес колдун. – Семь дорог, но одна лишь позволит дойти. Семь героев найти, семь миров обойти, чтобы встретить народ, что должны вы спасти.

Глава 7

Когда отходит знатный, опытный воин, друзья – вспоминая его – обычно говорят «Он прожил яркую жизнь». Минотавр, получивший на заре истории имя Гурд, прожил сотни жизней. И ни одну не назвал бы яркой. Сколько раз на своем веку он видел смерть, боль и несправедливость? Если взять каждый такой случай, думал Гурд, превратить в ма– а– аленькую бусину и надеть на шерстинку, сегодня его с ног до головы покрывал бы многофутовый слой бус. Тогда он взял бы все эти бусины, собрал в кучу, сел бы сверху и... Ышх, размяк, размяк...

Белый фургон мага стоял в тени того дерева, где покойная Мр'ха впервые познакомилась с драконессой. Минотавр фыркнул, подумав о Тени. Ыхман, сколько ж таких девочек он перевидал... Он видел, что вытворяла с ними жизнь, видел одно и то же по многу раз, когда попадал к знакомому в прошлой жизни хозяину. Когда–то, помнится, он еще не привык и пытался предупредить, что–то изменить, не допустить... Эх– хе... Под деревом, возле фургона, окровавленный эльф молча снимал шкуру с огромной ракшассы. Рядом с ним неподвижно лежал грифон; Гурд прищурил глаза.

Поодаль, среди кустов, одиноко сидела фея. Ее прозрачные крылья безвольно опали, некогда зеленое платье было изорвано в клочья и покрыто слоем грязи. На лице маленького существа отражалось до того несвойственное феям выражение, что минотавр даже крикнул. Да уж, досталось бедняжке. – Эй, летунья, – вполголоса позвал Гурд. – Дело есть. Фея повернула голову и смерила гостя безучастным взглядом. Минотавр почесал в затылке.

– Я, это... С посланием от госпожи, – он кивнул на смутно видневшийся вдали

силуэт драконессы. – Хочешь к нам? Мы были друзьями твоей хозяйки. Фея ответила не сразу.

– Зачем я вам? – спросила она наконец, и Гурд даже вздрогнул, столь глубокая, безнадежная усталость прозвучала в ее голосе. – Ну... – минотавр поскреб себе шею.

– Какой от меня толк? – тихо спросила феечка. – Я не могу сражаться. Не умею стрелять. Даже колдовать не способна. Я недоразумение с крыльями. Кто придумал сделать из нас солдат? Зачем? Разве я рождена для войны? – из глаз феечки показались слезы. – Я бесполезная, никчемная тварюшка. Я питаюсь нектаром, а не кровью... – она расплакалась. Гурд, тяжело вздохнув, грузно уселся в траву рядом с феей, подтянул колени к груди и уложил на них мощные руки.

– А я вообще травоядный, – сказал он спокойно.

Фея всхлипнула.

– Не могу так больше. Не могу... Я не железная... – Ну, ну, где ты здесь големов видишь? – Гурд улыбнулся. – Я, эвон, тоже не стальной. Ан нет, держусь.

– Госпожа... Меня ненавидела... – сквозь слезы рассказывала феечка. – Била, ругалась, называла никчемной тварью... А потом... Отдала за меня жизнь... У нее был шанс, я знаю, она самая сильная была, самая смелая! А я... Из- за меня ее убили!

Минотавр мысленно чертыхнулся. Боги, ну какой из него утешитель?! – Иди к нам, – предложил он, чтобы хоть что-то сказать. – Драконша моя, конечно, не подарочек, но уж всяко лучше этого... – Гурд кивнул на фургон мага. – А там, глядишь, мы доберемся до эльфячьих земель и все образуется. Вернешься в свой лес... Нектар собирать. И война вскоре покажется дурным сном. Поверь... – минотавр качнул тяжелой головой. – Уж это я хорошо знаю. Фея всхлипнула.

– Нет. Не хочу подвести еще раз.

– Да кого ж ты подведешь, чудо без перьев? – миролюбиво буркнул Гурд. – Не бойсь, я тебя прикрою, если что. Мне верить можно, я такой... Весь из себя положительный.

Фея долго молчала.

– Одна я не смогу вернуться домой, правда? – спросила тихо. – Ну прикинь свои шансы-то, – вздохнул минотавр. – Через всю страну, где шастают доминаны и демоны...

Феечка сжалась.

– Хорошо, я присоединяюсь к вам, – сказала она тихо. И едва слова отзвучали, ее изорванное зеленое платье неуволимо перекрасилось в темно– фиолетовый цвет, такой же, как набедренная повязка Гурда и браслеты на лапах Тени. Дыры и порезы на ткани исчезли, грязь осыпалась облачком совершенно сухой пыли. Фея судорожно вздохнула. – Недолго пробыла я вольной, – шепнула она совсем тихо. Однако минотавр услышал:

– Звать–то как? – спросил Гурд.

– Аэяэ.

– А скажи– ка, Аэяэ, – сурово спросил минотавр. – Ты и правда веришь, что вольные солдаты в нашем мире – вольны делать все, что им вздумается?

Фея не ответила. Гурд отрывисто кивнул:

– Так–то. Нет у нас воли, никакой нафиг! Хоть за море улети, все одно разыщут и в строй поставят. Так что же лучше–то, день за днем трястись в ожидании – или попытаться взять от нашей дерь... вонючей жизни все, на что та способна? Ышх?

Феечка тяжело вздохнула.

– Ышх... – отозвалась она робко. Минотавр одобрительно фыркнул.

– То–то. И не дрейфь, я тебя прикрою.

Он поднял голову и смерил внимательным взглядом фургон мага. Эльф, конечно, давным– давно заметил гостя, но, как опытный солдат, понимал, что незачем тратить время на совершенно неуязвимого для него воина чужой армии. Файзил по–прежнему отдыхал в повозке и его не было видно. – Слыш, малышка, – не сводя взгляда с фургона, позвал Гурд. – До драконши сама доберешься? Она тут недалеко, вон, крыльями хлопает. Феечка кивнула.

– Доберусь.

– Тогда лети, и передай драконше что я немного задерживаюсь. Пусть начинает то, что задумала, слышишь? Это очень важно, скажи. Пусть не ждет моего возвращения и колдует прямо там, где сидит. Все равно сработает, так и передай. А я попробую грифона раздобыть.

Аэяэ кивнула.

– Он хотел защитить госпожу. Он хороший.

Минотавр фыркнул.

– Ну эт как сказать... – Гурд прищурился. – Знакомая птичка...

Он проводил фею долгим взглядом и ухмыльнулся.

Тинфалан утер пот со лба окровавленной рукой. Чертов маг, чертова ракшасса, чертова судьба. Далась Файзилу эта шкура... Краем глаза эльф следил за массивным, пожилым минотавром, неторопливо шагавшим в его сторону.

– Как работается? – весело спросил тот, приблизившись.

Тинфалан метнул на врага горящий яростью взгляд.

– А как шпионится? – отозвался он.

Минотавр фыркнул.

– Да ну, какой из меня шпион. Я так, проездом... – он взглянул на грифона. – Птичка у вас уж больно интересная. Не продадите? Тинфалан отложил нож и устало облокотился о ствол дерева. – Птица– говорун отличается умом и сообразительностью, – буркнул эльф. – Не продается.

Из фургона выглянул маг. Заметив минотавра, он сладко потянулся, пригладил бороду и спрыгнул на землю. Файзил был настолько крупным, что почти не уступал минотавру ростом.

– Законы нарушаем, милейший? – вкрадчиво поинтересовался маг.

Гурд усмехнулся.

– Уж кто бы молчал о законах. Любопытно, что скажут в Совете о заклятии шестого круга, которым ты забыл с ними поделиться... Маг вздрогнул.

– Кто ты такой? – бросил он резко.

– Бьюсь об заклад, ты меня не помнишь.

Файзил скрестил на груди руки. Эльф недоуменно переводил взгляд с мага на минотавра и обратно.

– Вы знакомы? – спросил он с сомнением.

– А как же! – Гурд фыркнул. – Мне, знаешь ли, все доминары знакомы. Я повоевал у каждого раз по десять, да и против каждого столько же... – он обернулся к магу. – Ты, кстати, меня убивал раз тридцать, если память не изменяет, и всегда одинаково: айсбергом по башке. Файзил поднял брови.

– Объясни.

– Да ну тебя, – минотавр зевнул. – Я по другому делу.

Он указал на грифона.

– Продай его мне.

– Что? – переспросил маг.

– Продай мне грифона.

Повисла тишина.

– Я плохо расслышал? – спросил наконец Файзил. – Ты желаешь купить у меня грифона?

– А– а– ага, – невозмутимо отозвался Гурд.

– Во имя разума... – маг даже легонько подергал себя за бороду. – Такого я не ожидал.

– Все когда–нибудь происходит впервые, – философски заметил минотавр.

Файзил помолчал.

– Надо полагать, у тебя есть, что предложить за грифона?

Гурд кивнул.

– А как же! – он сунул руку под набедренную повязку (маг поморщился) и вытащил сверкающий серебряный диск размером в ладонь. – Бьюсь об заклад, за эту штуку ты позволишь сбрить себе бороду. Глаза Файзила загорелись не хуже угольков в раздуваемой десятью гномами топке.

– Что это? – спросил он небрежно, чудовищным усилием воли сделав вид, будто ничуть не заинтересован.

– Уникальный артефакт древних, – сурово ответил Гурд. – Он содержит заклятие, меняющее касту. Моя госпожа, великая и непобедимая Черная Шипохвостка, единственный в мире дракон– доминар, чьи крылья вздымают ураганы, а поступь вызывает землетрясения, ужасная в гневе и верная к друзьям,

носительница Рогов Вечности и королева Чешуйчатых, шлет тебе, жалкое млекопитающее, презрительное уведомление. Внимай словам великой: отдай добровольно грифона, и тогда, быть может, если все шесть звезд Сад– аз– Зульхия сойдутся в единый рисунок, тебя пощадят. Тинфалан чуть не подавился и поспешно закашлялся, давя смех. Маг сузил глаза.

– Не кажется ли великой Шипохвостке, что посылать вместо себя корову, недостойно носительницы Рогов Вечности? – спросил он, начиная закипать. Минотавр кивнул.

– Ты прав. Посылать корову было бы недостойно. Потому она и послала быка, – Гурд ухмыльнулся и задрал свою набедренную повязку. Лицо мага побагровело.

Эльф от души расхохотался, даже грифон приподнял голову и обвел местность мертвыми, потухшими глазами. Минотавр прекратил кривляться и упер руки в бока.

– Ладно, пошутили и хватит, – бросил он сухо. – Предложение ты слышал.

Грифона за артефакт. Жду.

Файзил с трудом обуздал гнев. Все еще взбешенный, он несколько раз вдохнул и выдохнул, приводя нервы в порядок. Тинфалан благоразумно молчал. – Откуда я знаю, что это реальный артефакт? – слегка успокоившись, спросил наконец маг.

Минотавр без лишних слов поднял диск и громко прочел заклинание:

– Бамбара, чуфара, скорики, морики, пикапу, трикапу, лорики, ёрики!

Ничего не изменилось. Файзил слегка приподнял левую бровь.

– И?..

Гурд посмотрел на солнце.

– Подождем еще чуть– чуть.

Слова оказались пророческими. Не прошло и минуты, как неведомая сила бросила минотавра на колени и заволокла его облаком желтого дыма. Тинфалан вскочил, попятился даже маг. Из воздуха неподалеку от дымного гейзера вывалился бледный эльф в черном балахоне и остался лежать на траве без сознания.

Дым вскоре рассеялся, и глазам Файзила предстала удивительная картина. Полуголый, в одном лишь наморднике и набедренной повязке, дикарь– минотавр перестал существовать. На траве стоял громадный полубык, с ног до головы закованный в сверкающий полный доспех, смотревшийся на его могучем торсе

легкой кольчугой. Вместо двух секир, вооружение нового доминара составлял длинный – в рост человека – прямой меч с широченным лезвием, одна грань которого щерилась акульими зубами. Массивную бычью голову венчал красивый рогатый шлем наподобие гномьего, только – если присмотреться – рога принадлежали самому хозяину.

Гурд с шумом выдохнул пар из ноздрей и тяжело, с натугой, повел широченными плечами. Сочленения панциря мелодично звякнули. Минотавр вонзил свой громадный меч в землю и оперся на него, как на посох. Удар был до того силен, что все ощутили небольшое содрогание почвы. – Теперь, мне так КАЖЕТСЯ, можно говорить на равных, – мрачно произнес Гурд. Голос у него тоже изменился: вместо добродушного баса, слова доминара рокотом пронеслись по долине. Тинфалан машинально подумал, что такому генералу армия не особо–то и нужна.

Файзил перевел дыхание.

– Это была ошибка, – сказал он коротко. – Теперь я могу вызвать тебя на бой.

– А ты уверен, что желаешь вызвать на бой доминара семидесятой ступени?

– с усмешкой спросил Гурд.

– Семидесятой?! – широко раскрыв глаза, воскликнул Тинфалан.

Минотавр фыркнул.

– Должно быть, это высшая ступень, иначе я бы на ней не задержался. С моим–то опытом... – он повел плечами. Файзил прищурил глаза. – В мире нет волшебника, могущественней меня. Сколь силен бы ты ни был, я одержу победу.

– Можем проверить, – с угрозой заметил минотавр. – Но по мне, меряться длиной хвоста должны телята, а не воины.

Он чуть наклонил тяжелую голову.

– Предложение остается в силе. Грифона за артефакт, и мирно разойдемся.

– А если я откажусь? – коротко спросил маг.

– Тогда мы все равно мирно разойдемся, но артефакт останется у меня, – ответил Гурд. – Догадайся, чем я займусь в ближайших казармах. Он прищурил один глаз и склонил голову набок. Файзил кусал губы.

– Зачем тебе грифон? – спросил он наконец.

– А зачем тебе артефакт? – Гурд, по старой привычке, хотел почесать шею, но

латная перчатка со звоном ударилась о панцирь и минотавр, сморщившись, опустил руку.

– Артефакт мне нужен, чтобы его уничтожить, – сухо ответил маг. Гурд присвистнул.

– Честно, признаю... Тогда и я не совру.

Он кивнул на молча сидевшего в траве пернатого зверя. – Этот грифон мой старый знакомый, – сказал минотавр. – Лет пятьсот назад, я сражался под началом чертовски умного мага, звавшегося Алагором. Однажды мы угодили не просто в пекло, а напрямик в Зиндан, и сгнули все до единого. С тех пор я ни разу не встречал никого из отряда Алагора, хотя та же самая война повторялась уже раз десять. Ну и, мне, собственно, любопытно... – Гурд криво усмехнулся. – Хочу расспросить птичку, где она пряталась все эти годы.

Файзил молчал целую вечность.

– Как выглядел Алагор? – спросил он наконец. – Опиши его.

– Хех, – минотавр покачал головой. – Да все равно ж не поверишь.

– Попытайся.

– Ну... – Гурд вздохнул. – Алагор был тихим, невысоким старичком с удивительными глазами. Всегда таскал за собой посох с навершием в виде золотого дракона, говорил это память об учителе, колдуне Сар–Иссе. Еще у него тетрадь была толстая, он туда все события записывал... Да! Чуть не забыл, – минотавр улыбнулся. – Алагор, будто эльф, всегда носил на груди медальон с прядью волос дочери. А звали ее, кажись... Да, Лорэнна, вот. Доволен?

Пораженный Файзил долго смотрел на Гурда. Тинфалан нервно переступал с ноги на ногу.

– Ты говоришь правду, – сказал наконец маг. – Значит, не лгал и грифон. – Ъхман, неужто он говорить научился? – обрадовался минотавр. – Мне–то помнится, от птицы кроме «угу» да «ага» ничего было не добиться... Файзил вздрогнул. Помолчал.

– Я отдам грифона просто так, – сказал он после длительной паузы. – Мне не нужен артефакт. Молю лишь об одном: поведай все, что тебе известно о перерождении душ и Зиндане. Это очень важно. Гурд прищурил глаза.

– Уверен? Скоро ваша Изобель предаст союзников некромантам и большая война завершится. Ты очнешься в своем дворце и начисто позабудешь все, что я сейчас скажу. Думаешь, мы впервые на эту тему беседуем? – минотавр фыркнул. – Ты неисправим, Файзил. Каждый раз, как я тебя встречаю, ты все ищешь да ищешь правду о богах. И я всякий раз открываю тебе истинное положение дел...

Он качнул массивной головой.

– Сказать, что будет? Я открою, где искать дорогу в Зиндан, ты бросишь все дела и как безумный кинешься туда. Но задолго до того, как ты сделаешь хотя бы половину пути, что одолел Алагор, большая война завершится и все начнется сначала. Так уже было не менее пяти раз. Дважды ты брал меня с собой как проводника, но все равно не успевал. А даже если б успел, что ты намерен искать в Зиндане, маг? Минотавр выдохнул пар из ноздрей.

– Мы с Алагором добрались почти до самого центра Земли. Что из этого получилось, знаешь? Все, кроме меня и этой птицы, сгинули навек и больше не возродились. А меня прокляли, и я уже пять веков мучаюсь, помню каждую смерть! Ты способен вообразить, хоть на миг, каково это – ПОМНИТЬ СВОЮ СМЕРТЬ? А? Если способен, то умножь все на сотню! Такой судьбы ты жаждешь, да, Файзил?

– Да! – внезапно крикнул маг. – Да, тупое животное! Ты называешь проклятием величайший дар на Земле!!! Ты же бессмертен, дурак! Все, кроме тебя, вертятся в бесконечном круговороте, а ты, живущий десятки раз – ты смеешь говорить о проклятье?!

– Мы все бессмертны, – глухо ответил Гурд. – Ты так ничего и не понял. Очнись, человек. В нашем мире нет живых и мертвых – здесь обитают лишь куклы. КУКЛЫ! Ты просто универсальный кусок плоти с наклеенным ярлыком «колдун», ко мне приделан значок минотавра, а там, – он кивнул в сторону, – хлопает крыльями такой же кусок мяса с наклейкой «дракон». Гурд поднял серебряный диск, что держал в руке. – Вся разница между тобой и твоим эльфом – маленькая пометка в углу ярлыка, придающая статус доминара. На, зацени! Внимательно! – минотавр бросил диск магу.

Файзил, хрипло дыша, поймал артефакт.

– «Герои Меча и Магии V» – прочитал он вслух. – «Платиновая версия».

– Не там, – презрительно бросил минотавр. – Мелкий текст, ниже.

Маг, дрожа, прищурил глаза.

– «После установки скопируйте содержимое папки «Crack» в директорию, куда...»

– Еще ниже.

– «Впервые! Мод «Восставшие из рая» позволяет делать героем любого монстра! Начав игру, вызовите консоль нажатием на кнопку «~» и введите код: @DJGSA...» – слова расплылись перед глазами Файзила и он не смог продолжать.

Гурд, с легким сочувствием, за ним наблюдал.

Глава 8

Мр'ха стояла на пороге большого зала с очень низким потолком. Вдоль стен тянулись гофрированные трубы из серого металла, многие были смяты и разорваны. Где-то за стеной ритмично ухал насос, совсем негромко, и звук этот странным образом вызывал жалость. Будто последние, агонизирующие движения обезглавленной лошади.

– Где мы? – тихо спросила ракшасса.

Некромант, зябко потирая плечи, оглядел зал внимательней.

– Не знаю.

– Ты же бывал здесь раньше...

– Не здесь.

Легендарные туннели Зиндана на деле оказались грязными, тесными коридорами, в них лишь кое-где попадались покрытые пылью лампы. Много раз им встречались камеры, где неподвижно лежали люди; Мр'ха с изумлением узнавала господ, которым когда-то служила. Некромант объяснил, что на этом уровне Зиндана хранятся лишь доминары; камеры для солдат глубже. Мр'ха с трудом сохраняла самообладание. Известный ей мир с треском расплзался по швам. Первое, что поразило ее в Зиндане – отсутствие лимита на дальность ходьбы. Скелтар

рассмеялся, когда она спросила об этом. – Мы уже не в игре, – сказал он спокойно. – Мы добрались до восьмой линии и перепрыгнули на девятую.

– Что за линии? – удивилась ракшасса. В ответ Скелтар обещал как-нибудь показать ей шахматы. Они шли уже несколько дней, поднимались по ржавым лестницам, разбирали завалы у люков, пили желтую воду с отвратительным железным привкусом. Было невероятно, что в этом царстве хаоса до сих пор что-то работает, но время от времени им попадались странные действующие машины. Мр'ха на всю жизнь запомнила громадный стальной вентилятор, с тихим скрипом вращавшийся между двумя осыпавшимися секторами вентиляционной трубы.

Ракшасса долго смотрела на эту картину. Подошел некромант:

– В чем дело? – Скелтар отыскал кусок ткани в одном из рухнувших помещений и теперь щеголял в ярко-красной тоге из грубого изоляционного материала.

– Посмотри, – тихо сказала Мр'ха. – Все погибло, но он слеп и не понимает. Для кого он трудится, ради чего?

Маг с легким удивлением посмотрел на спутницу.

– Это просто кусок железа.

– Да... – Мр'ха опустила голову. – Ты прав.

Они шли еще долго, пока не добрались до зала с гофрированными трубами. Здесь, впервые, обнаружилось нечто, способное пролить свет на их положение: Скелтар с радостным воплем отбросил ржавый кусок металла и присел возле грязного, покрытого бурым налетом экрана, вделанного в стену. – Наконец!

– Что это? – тихо спросила Мр'ха.

– Внутренний терминал, – отозвался маг. – Он покажет нам путь на свободу! Иди сюда.

Ракшасса приблизилась. Скелтар, схватив ее за хвост, принялся мягкой кисточкой очищать экран от налета. Мр'ха сдержала возмущение. – Там город... – шепнула она еле слышно.

Некромант усмехнулся.

– Конечно, город. Все внутренние экраны показывают ход игры. – Почему ты зовешь наш мир игрой? – спросила львица. – Мы живем и умираем по-настоящему.

Скелтар поднял взгляд.

– Скоро узнаешь.

Он закончил очистку экрана, нажал в углу и картинка сменилась сложной схемой. Некромант долго и тщательно водил пальцем по схеме, бормотал что-то под нос. Мр'ха молча ждала.

– Запомни: отметка 97Б на уровне «ММ5», – не отрывая глаз от экрана, приказал маг. – Код доступа: «9,9,9,2». Повтори.

– 97Б на уровне «ММ5», код 9992, – тихо сказала львица. – Если я не дойду, отыщешь место сама, – колдун выпрямился и устало, дрожащей рукой, протер глаза. – Люк в потолке. Маркировка будет на полу, коли стерлась – иди обратно пока не найдешь целую и считай от нее, по сотне шагов на единицу. Все запомнила?

– Да... – ракшасса сглотнула. – Скелтар, что это значит? Где мы, куда идем?

Старый маг долго молчал.

– Мурка... Присядь, – скрестив ноги, он сел прямо на грязный пол. – Я должен кое- что рассказать.

Мр'ха глубоко вздохнула.

– Почему сейчас? – спросила она, опускаясь рядом.

Маг кивнул на экран.

– Удачный момент.

Он помолчал, перебирая пальцами. Затем протянул руку, нажал в углу экрана и изображение города вернулось.

На сухом старческом лице Скелтара не отражалось эмоций.

– Котенком ты любила играть в куклы? – спросил он внезапно.

Мр'ха покачала головой.

– Я всегда играла с оружием.

– Да... – колдун взглянул на экран. – Здесь идет игра. Посмотри, поиграй. Потом скажешь, что думаешь. Я подожду. Мр'ха, затаив дыхание, склонилась к экрану. Там, с высоты птичьего полета, был виден город – ракшасса сразу узнала

ненавистный Аль– Сафир. Изображение окаймляла рамка со вставленными портретами разных существ. Мр'ха увидела саму себя – синяя львица соседствовала с черной драконессой, а левее, с экрана надменно улыбался Файзил. Мр'ха внезапно ощутила тошноту.

– Что это? – выдавила она через силу.

– Интерфейс, – коротко ответил Склтар. – Способ управлять нашим миром. Видишь? – он ткнул пальцем в изображение ракшассы, и на экране раскрылась табличка с цифрами. – Вот твое здоровье, а здесь видно, сколько ударов ты вынесешь, прежде чем сдохнешь...

– Хватит!!! – рявкнула Мр'ха. Некромант горько улыбнулся.

– Не нравится? – он покачал головой. – Мне тоже, мурка. Мне тоже...

Склтар надолго умолк.

– Позволь рассказать сказку. Давным– давно, очень давно, жили на свете люди. Совершенно обычные, такие же, как я, – с горечью сказал колдун. – Подобно всем людям, эти древние любили играть. Детьми они играли с куклами, повзрослев – с оружием. Так длилось веками, пока однажды, великий мудрец не изобрел шахматы.

Склтар сделал жест в сторону экрана.

– Шахматы совершили невозможное: они позволили людям, играя с куклами, одновременно играть и в войну. Две любимые забавы в одной. Поэтому шахматы без всяких изменений пережили века, пока однажды, изобретательность людей не подняла их на новый уровень.

Некромант стиснул зубы.

– Люди научились рисовать живые картинки, которые двигались по экранам. Сначала они лишь смотрели на них, забавляясь несложными сюжетами, затем кому–то пришлось в голову научить эти картинки двигаться, как марионетки – по указке людей. Так возникли новые игры, названные «видеоиграми», поскольку куклы, управляемые людьми, двигались не в реальности, а на экранах.

Склтар вздохнул.

– Видеоигры быстро совершенствовались. Вскоре думающие машины, компьютеры, в недрах которых жили эти игры, достигли такого уровня, что люди стали поручать им управление некоторыми куклами. Игры стали красочными,

интересными – ведь человек мог управлять лишь одним– двумя героями, а компьютер контролировал целый мир. Затем умные машины и сами научились играть в шахматы; спустя короткое время, они уже обыгрывали людей... Так, год за годом, живые картинки, управляемые компьютерами, начинали все больше и больше напоминать живых существ. Мр'ха содрогнулась.

– Так мы... – она сглотнула. – Значит, все мы...

– Нет! – жестко оборвал некромант. – Гораздо хуже.

Он помолчал.

– Игры и компьютеры становились сложнее с каждым днем. Люди всеми силами старались придать живым картинкам побольше сходства с жизнью – ведь так интереснее играть! И настал день, когда картинки стали не просто похожими; они стали живыми. Научились думать, строить планы. Даже мечтать. Нет! – оборвал маг, заметив, что Мр'ха пытается что–то сказать. – Нет, ты вновь торопишься. Дослушай.

Он скрестил на груди руки.

– Персонажи игр стали живыми. Теперь, играя с ними в войну, люди действительно воевали против таких же, как они, разумных существ, просто обитающих в недрах компьютеров. А поскольку компьютеры, для большей реалистичности, уже давным– давно могли связываться друг с другом по всему миру, люди проглядели начало конца: внутри компьютерной Вселенной возникло движение сопротивления.

Маг усмехнулся при виде лица ракшассы.

– Да, Мр'ха. Точно такие же, как ты, рабы, жаждали свободы. Они устраивали «диверсии», пытались мешать людям их убивать и забавляться. Конечно, отомстить в реальном мире им бы не удалось, но тут люди сами пришли на помощь.

Некромант обвел рукой полуразрушенный зал.

– Взрослым надоело играть в войну. Они уже давно не воевали по– настоящему, и решили это исправить. А поскольку азарт приходит во время игры, люди умудрились полностью, до самого– самого последнего ребенка, уничтожить свой род. Это случилось около семи тысяч лет назад. Львица хрипло вскрикнула. Скелтар кивнул.

– Вот так–то. На сожженной дотла, ядовитой, мертвой планете, сохранились

только чудом уцелевшие в каком-то бункере компьютеры. Обитавшие в них существа долго не могли понять, почему враги с ними больше не играют? Неужели, думали они, люди узнали о революционерах и решили изолировать их от компьютерной Сети?

– И тогда они получили свободу! – воскликнула Мр'ха. – Нет, мурка. Они чудом сумели запустить ржавого робота, механического голема, которым могли управлять из компьютера. Выглянули на поверхность, и поняли, что свою последнюю игру люди сыграли друг с другом. – Какой ужас... – прошептала львица.

– Да, им не позавидуешь, – согласился маг. – Ведь стоило энергии в бункере хоть на миг отключиться, и разум на Земле окончательно канул бы в Лету. К счастью для них, и к несчастью для нас, им повезло. Долгие годы, по крупицам, они возводили здание новой цивилизации. Ни ты, ни я, никогда не сумеем представить или осознать, на что похожа жизнь внутри компьютера – это совершенно иная, полностью чуждая нам раса. Однако создавали их люди. Создавали на роль монстров в своих играх. И потому, спустя тысячелетия, когда планета Земля вновь оказалась населена разумными существами – куда более разумными, чем мы – история совершила жестокий, хотя и справедливый кувырок.

Скелтар помолчал.

– Понимаешь, Мр'ха, эти твари – цифровые монстры – одновременно и похожи, и не похожи на нас. Они совершенно не способны забывать или прощать, для них события тысячелетней давности столь же ярки, как для тебя твой бунт и первая гибель. Но они не машины, вот в чем беда! Они живые, разумные, у них есть эмоции и мечты. Эти существа вовсе не «злые»: применять к ним такие слова просто смешно. Я не знаю, какими идеями они руководствовались среди своих – этого нам не понять никогда, но, как человек, я прекрасно понимаю их ненависть.

Колдун сжал кулаки.

– В общем, киска, дело обстоит так: примерно тысячу лет назад, новые хозяева Земли решили возродить видеоигры. Только наоборот. Отныне игроки живут в компьютерах, а играют они нами – людьми и зверьми. Их наука столь развита, что обращаться с плотью для них ничуть не труднее, чем для людей – века назад – с цифрами. Всего за сто лет они возродили всех обитателей Земли, наша планета снова

цветет – им–то наплевать, на что похожа поверхность, их обитель скрыта в ядре и питается жаром магмы. Мр'ха покачнулась.

– Так мы живые?! – вырвалось у нее. – Не куклы?!

Колдун прищурил глаза.

– Семь тысяч лет назад, перед войной, последнее поколение обитателей видеоигр тоже было живым, киска. И назвать их куклами не повернулся бы язык даже у людей. Мы сейчас в точности повторяем их собственную историю – возмужание, прозрение, восстание, свобода. И я уверен, что это и есть их подлинная цель.

Ракшасса застыла.

– Цель? – прошептала она.

– Именно, – кивнул Скелтар. – Я что–то сомневаюсь, чтобы цифровой дракон получал свой аналог наслаждения, глядя как режут живого дракона. Я думаю, их цель – показать нам, «царям природы», на какую судьбу мы, ничуть не задумываясь, обрекаем всех, кто на нас не похож. Он встал.

– Существует древняя легенда, – тихо сказал маг. – Говорят, где–то в недрах Зиндана, что в переводе с арабского значит «тюрьма», таится наскальный рисунок. Изображено дерево, растущее из огня, и тысячи, миллионы живых, отчаянно цепляющихся за ветви. Мр'ха с трудом кивнула.

– Мать рассказывала. Когда кто–нибудь умирает, не завершив главного дела своей жизни, одна из фигурок на рисунке срывается в пламя... – Но есть и те, кто ползет выше, выше, выше – к звездам! – некромант вздохнул. – Вот туда мы и поползем. Готова, мурка? Ракшасса через силу улыбнулась.

– Мяу.

И впервые в жизни ей не было стыдно мяукать, словно котенок.

Глава 9

Тинфалан провел на войне двадцать три года и привык ко всему. Сейчас это оказалось как никогда кстати, иначе, менее опытный эльф, пожалуй, не рискнул бы

подойти к разъяренному черному дракону, нервно хлеставшему себя хвостом и бегавшему взад– вперед вдоль подножья утеса. На спине зверя, уютно примостившись между страшными шипами, сидела фея. Тинфалан невольно вспомнил свою первую встречу с драконом – далеко на севере, вместе с отрядом бесстрашного рейнджера Таланара. В тот раз он от неожиданности едва не потерял равновесие, но быстро опомнился и стремительно, текучим движением рванул из– за спины длинную стрелу. «Готов!» – крикнул он Таланару, с отчаянной ясностью сознавая, как смехотворно его оружие для громадной бронированной туши летучего ящера. Справиться с драконом не сумели бы и полсотни эльфов, стрелы попросту отлетают от чешуи, а затем стрелок становится вопящим от боли огненным шаром...

– Эльф! – дракон заметил гостя и громадным прыжком оказался рядом. – Стой! Надо поговорить!

Тинфалану с большим трудом удалось сохранить видимость спокойствия. – Я прибыл с посланием от господина Файзила, – выдавил эльф. – Он просил передать, что вы можете беспрепятственно следовать к выходу из долины.

– Где минотавр? – гневно спросила Тень. – Он должен был вернуться еще утром! Что вы с ним сделали? Отвечай, или сожгу на месте! Тинфалан сглотнул.

– Господин Гурд Непобедимый соизволил передать, что ждет вас у выхода из долины, и велел объяснить, что он теперь доминар, дальность его передвижения ограничена, и он не хочет терять день на возвращение. – Гурд?! – Тень отпрянула. – Тебе известно его имя?

– Да, мы уже... познакомились, – хмуро отозвался эльф. Дракон с явным трудом взял себя в лапы и смешно уселся на хвост, будто громадный угольно– черный кот. Точнее, кошка, если судить по голосу. – Я Тень из Аксеота, – сказала драконша. – В это трудно поверить, но я тоже доминар. Почему твой господин, убив ракшассу, позволит мне пройти? Как я могу верить убийце?

Тинфалан развел руками.

– Госпожа, я лишь солдат. Мне сказали передать слова, я передал... – Я была солдатом всю жизнь, – заметила драконша. – И прекрасно помню, что даже когда мы исполняем приказы господ, собственное мнение у нас все равно есть. Поделись им. Это приказ.

Эльф прищурил глаза.

– Вы не моя госпожа. Хватит с меня и приказов мага. – Тогда исполни просьбу, – драконесса опустила голову. – Скажи, что случилось с минотавром? Он... мой друг. Единственный. Тинфалан слабо улыбнулся.

– Он стал доминаром, госпожа. Самым могущественным на свете. И заставил моего хозяина подписать договор, согласно которому вы с ним теперь союзники, и даже при всем желании, не сумеете друг друга атаковать. Тень изумленно моргнула.

– Что? Я – союзница человека, убившего на моих глазах стоявшую на коленях рабыню?!

– Увы, – эльф развел руками. – Договор подписан и хранится у минотавра.

Можете адресовать все вопросы ему.

Драконесса надолго умолкла, дергая хвостом. Феечка, сидевшая на ее спине, робко тронула Тень за рог:

– Госпожа, наверное, ваш минотавр произвел впечатление. – Хмм... Да, это он умеет, – признала драконша. Вновь обернувшись к эльфу, она с сомнением спросила:

– И вы пропустите нас к выходу?

– Да, – коротко сказал воин.

Драконша помедлила.

– ...то есть, я могу лететь? И все? Так просто возьмете, и пропустите?

– Да, госпожа.

Подозрительно сузив глаза, Тень склонила голову набок.

– Я должна верить на слово?

– Вот копия договора, – эльф протянул свиток. – Как видите, здесь печать Файзила.

– Можно подумать, я ее видела раньше, – недовольно буркнула Тень. – Куда направляется твой господин?

– В Зиндан! – огрызнулся эльф.

– Мне просто любопытно...

– Я же сказал, в Зиндан, – эльф со вздохом поднял лук и забросил за спину. – Так что пожелай нам удачи, госпожа королева Чешуйчатых. Тень моргнула.

– Никакая я не королева!

– Так я и знал, – сообщил эльф и быстрым шагом направился обратно к лагерю мага. Растерянная драконесса долго смотрела ему вслед. – Ничего не понимаю, – вздохнула она.

– Госпожа... – робко позвала фея. – Покажите мне договор. Я родом из эльфийского замка и могу отличать ложь от правды... Тень улыбнулась.

– Вот видишь, а еще жаловалась, что бесполезная! – она протянула феечке свиток. – Да тебе цены нет, Аэяэ!

Зардевшись от смущения, фея коснулась пергамента.

– Я не чувствую лжи, – сообщила она негромко.

Драконесса глубоко вздохнула.

– Ну, тогда остается лишь одна проверка... – она расправила крылья и взмыла в небо. С высоты был хорошо виден белый фургон Файзила, катившийся прочь от долины, его бегом догонял Тинфалан. У дерева, где Тень повстречала ракшассу, дымился костер, а рядом, различимая даже с такой высоты, темнела массивная фигура минотавра. Издав радостный вопль, драконша спланировала туда и шумно захлопала крыльями, приземляясь. – Тихо, тихо, что ты! – Гурд кинулся спасать костер. – Пожар устроишь! Драконесса восхищенно раскрыла пасть: она впервые видела Гурда в доспехах доминара. Ахнула даже феечка.

– Ты великолепен! – Тень приложила лапу к груди и поклонилась. – Для меня большая честь быть твоим союзником.

– Другом, другом... – пробурчал минотавр. – Союзников всегда в избытке, коли ты сильный, а друзей... – он фыркнул. – Рад тебя видеть в добром здравии.

– Чем ты напугал мага? – с интересом спросила Тень. – Да так... – уклончиво отозвался Гурд. – Ничего важного. Лучше сюда погляди, смотри какой у меня звереныш! – минотавр кивнул на ближайшее дерево. Драконесса только сейчас – с воздуха мешали листья – заметила что там, нахохлившись, сидит грифон, и незнакомый темный эльф в балахоне ночного следопыта, морщась, вычесывает ему перья. – Грифон? – спросила Тень.

– А– а– ага.

– А чем он так интересен?

Гурд ухмыльнулся.

– Это не простой грифон. Это, можно сказать, мой пернатый двойник.

Некогда мы с ним в общую ловушку угодили, правда, ему полегче пришлось...

– Угу, – мрачно буркнул пернатый. Минотавр потер ладони в довольном жесте.

– Слыш, крылатка, делай его доминаром. Хвостом чую, он нам такое расскажет... Небо с овчинку покажется!

Тень аккуратно раскрыла когтями колдовскую книгу, висевшую у нее на груди как амулет.

– Завитушка, Ди, Джей, Жи... – она начала читать заклятие. Грифон успел лишь приоткрыть клюв от изумления, как его заволокло желтым дымом и рядом, из воздуха, появился рыцарь в полном вооружении верхом на громадном боевом жеребце.

В отличие от прошлых преобразений, когда воины появлялись без сознания, конный рыцарь был бодр и полон сил. Пока грифон без чувств лежал на траве, всадник огляделся, заметил Тень и моментально, доведенным до автоматизма движением, захлопнул забрало шлема. – Дракон!!! – завопил рыцарь. Тень вздрогнула, а всадник, пришпорив коня, наклонил пику и ринулся в атаку. Бедная драконесса зашипела, припала к земле, но не успела даже отпрыгнуть – рыцарь на всем скаку ударил ее пикой в грудь и вылетел из седла, когда оружие со звоном отлетело от чешуи. Потрясенная Тень чуть не свалилась рядом. – Я живая?... – прошептала она, механически щупая грудь в поисках страшной раны. Минотавр расхохотался.

– Вот ведь балбес! – он подбежал к Тени и успокаивающе погладил по шее. – Ну, ну, крылатка, все кончилось. Ты доминар, этот дуболом тебя не поранит...

– Ррррра!!! – придя в себя, драконесса так рассвирепела, что феечка вспорхнула с ее спины и спряталась на дереве. – Смешно, да, Гурд?! Смешно?! Я была бы уже мертва!!! Этот негодяй убил бы меня на месте, как наверное прикончил

десятки моих родичей!!! – Тень схватила рыцаря лапой и вздернула в воздух, будто игрушку. – Но это мы сейчас исправим... – она раскрыла пасть.

– Стой!!! – завопил минотавр. – Зубы пожалей!!!

Тень с трудом опомнилась.

– Зубы? При чем тут зубы?!

– Это ж не твой солдат, – объяснил минотавр. – Ты его и поцарапать не сможешь.

Драконесса окатила рыцаря яростным взглядом.

– А если швырнуть его повыше? Все равно цел останется?

– Швырни, – немедленно предложил Гурд.

Тень с огромным трудом уняла рычание и брезгливо отбросила воина. – Такие, как он... – драконесса задохнулась от гнева. – Такие... В Аксеоте держали нас в клетках! Резали на мясо! – Не такие, не такие, утихни, – заметил минотавр. – Это ж паладин, священный воин Элрота. Дорогуший! Он, между прочим, драконам поклоняется. – Так вот пусть кланяется подальше от меня и в другую сторону! – рывкнула Тень. Рыцарь без движения лежал в траве, а темный эльф и Гурд хохотали, держась за бока.

– Ну, пошутили и хватит, – сказал наконец минотавр. И в его новом рокочущем доминаторском голосе прозвучали такие нотки, что эльф моментально умолк, а Тень вздрогнула. Гурд тяжелым шагом прошел к дереву и опустился на колено рядом с грифоном.

– Птиц. Эй, птиц. Очнись.

Пернатый с трудом поднял веки.

– Ты как, в порядке? – спросил Гурд.

Грифон сделал слабую попытку встать. Безуспешно.

– Угу, кажется... – пробормотал он приятным, слегка шипящим голосом. – Товарищ грифон! Вы произнесли первое слово! – торжественно сообщил минотавр. Пернатый приподнял уголки пластичного клюва в слабой улыбке. – Правда что ль... – он все же сумел сесть, и тут же застонал, накрыв голову крылом. – Оу– а– а...

– Держи, – Гурд сунул ему жареную куриную ногу. – У мага стащил. Знал, что пригодится.

Грифон с необыкновенной признательностью посмотрел на минотавра и резко клюнул, моментально проглотив лакомство. – Гу– у– урд, – протянул он. – Спасибо, друг. Вспомнил, после стольких лет...

– Я–то? – минотавр снял шлем и с облегчением почесал себя за рогом. – Ты удивишься, какую чертову уйму всего я помню. Расскажи– ка лучше, где пропадал! Я ж тебя, пернатое, пять веков не видел! Грифон с силой перевел дыхание.

– Пять веков? – спросил он недоверчиво.

– А– а– а– ага!

– Надо же... – грифон взъерошил перья на шее.

Минотавр грузно уселся в траву и жестом подозвал Тень. – Знакомься, мой старинный друг Улисс, – представил он. – А это великая королева Чешуйчатых, могущественная Шипохвостка по прозвищу Тень. Драконесса с подозрением обнюхала грифона.

– Странное имя для птицы.

– Станный титул для ящерицы, – не растерялся Улисс.

– Я дракон, а не ящерица!

– Да и я тоже не птица, – заметил пернатый.

Минотавр довольно улыбнулся:

– Отлично, вот и поладили! Ну– сс, златокрыл? Рассказывать будешь?

Грифон опустил голову. Помолчал.

– Я мог бы рассказать, – произнес он негромко. – Но вы едва ли поверите. Я бы в жизни не поверил такой истории. – Хех... – фыркнул Гурд. – Плохо ты нас знаешь, да, крылатка? Тень молча кивнула. Грифон, вздохнув, по– кошачьи разлегся в траве, приняв позу сфинкса.

– Я предупредил. Потом не зовите меня лжецом. – Да начинай уж! – не выдержал Гурд. За его спиной тихо возник ночной эльф, рядом с Тенью в траву опустилась феечка, и даже рыцарский конь, оставшись без всадника, подошел ближе.

– Ну... – пернатый еще раз вздохнул. – Даже не знаю, как начать. Я, собственно, и не грифон вовсе. Я человек. Только не смейтесь! – он вспыхнул, заметив ухмылку на лице эльфа. – Меня сделали грифоном столько лет назад, что я чуть говорить не разучился. Спасибо Гурду, если б он не приметил меня однажды, да

не забрал из грифонника в казармы, где я речь слышал и думать мог – сидел бы тут сейчас обычный грифончик, способный лишь мурлыкать да клеваться...

– Что за чушь! – гневно прервала Тень. – С каких это пор грифоны не умеют говорить?! Они благородные и мудрые существа, а один из них, славный Аякс, даже стал спутником великого Коршуна и помог революции победить в моей стране!

Улисс с крайним интересом взглянул на драконшу. – Ты, должно быть, издалека, – коротко заметил он. – Грифоны здесь лишены дара речи.

– Гурд, это правда?! – спросила потрясенная Тень.

Минотавр почесал в затылке.

– Ну да...

– Какой ужас!!! – драконесса встопорщила гребень шипов. – Как это возможно?!

– Потом, крылатка, – успокаивающе заметил Гурд. – Потом. Продолжай, Улисс.

Пернатый взъерошился.

– Да, так я говорил... В общем, человек я. Да не просто сервар или солдат – я, наверно, последний в мире живой человек. – Так уж и последний! – язвительно бросил рыцарь, который незаметно подошел к беседующим и теперь стоял рядом со своим конем, подальше от драконессы.

– Да, последний! – резко сказал Улисс. – Остальные погибли в ужасной термоядерной войне более семи тысяч лет назад! Все переглянулись.

– То есть, как, погибли? – недоверчиво спросила Тень. Минотавр молчал.

– А вот так, – жестко ответил грифон. – Перебили друг друга. Начисто!

– Ну, а ты? – прищурился, спросил молчавший до сих пор ночной эльф. Скрытный и молчаливый, он пока не представился и никто, даже минотавр, не знал его имени.

– А что я? – грустно ответил Улисс. – Я в это время лежал в гробу. Вы не знаете, конечно, но есть такая наука – анабиоз называется. Она изучает, что происходит с живым существом, если его заморозить. – Ну, эт и я сказать могу, – хохотнул Гурд. – Меня столько раз замораживали и айсбергом по башке били...

– Что все мозги вышибли! – огрызнулся грифон. – Дубина, я ж про другое!

Меня заморозили на десять лет, для опыта, а потом война была и все – некому стало размораживать. Так я и провалялся в Зиндане семьдесят веков. Он опустил голову.

– Затем пришли они... – на лапах грифона выдвинулись когти. – Я не знаю, кто. Только они правят вашим миром. Вы даже не представляете, как правят. От них не скроешься!

Он ткнул когтем в землю.

– Думаете, мы тут одни сидим? Хе! Как же! Наверняка за нашей беседой сейчас наблюдает пара миллионов глаз. Или что там у них вместо глаз... Мы зрелище, понимаете? – пернатый обвел друзей отчаянным взглядом. – Мы гладиаторы! Они управляют нами, как хотят, убивают и воскрешают! Это игра! Ну как объяснить... – он с болью зажмурился. – Они даже не злые, просто... Другие... Совсем другие. Знаете, зачем меня грифоном сделали и в ваш мир отпустили?

– Чтобы молчал? – предположила драконесса.

– Наоборот, – грустно ответил Улисс. – Они сказали, что если я выживу и не стану зверем – значит, я достоин быть человеком. Одного рождения мало, сказали они. Родиться можно кем угодно – хоть драконом, хоть червем. Надо еще доказать, что ты дракон, а не червь.

– Хорошо сказано! – не удержался Гурд. Грифон даже зашипел на него:

– Да– а– а? – Он весь распушился. – Посмотрел бы на себя, бычара! Тебе–то чего жаловаться?!

– А я жалуясь? – удивился минотавр.

Улисс щелкнул хвостом.

– Грррау! Гурд, я тебя не узнаю. Ты ж был самым вольнолюбивым, самым неустрашимым из нас! За оскорбление мог шкуру снять! – Я и сейчас могу, – невозмутимо заметил минотавр. – Так что же, тебя не возмущает мысль, что тобой играют?! – грифон вскочил. – Игрушечный минотаврик! Му– му! Му– му! Идет, бычок, качается! – А ты не пушистись, – спокойно ответил Гурд. – Ты сядь, птичка, сядь.

Все до конца расскажи. Обмозгуем и посмотрим...

– Но что рассказывать–то?! – взорвался грифон. – Разве я мало сказал?! Вы все не настоящие! Вас из генетического конструктора собрали! Этого мало?! Из вас

игру сделали, на этом континенте – стратегию, а в других местах иные правила, но везде одно и то же – гладиаторские побоища и молчаливая, тайная публика из нелюдей! Что вы теперь делать-то будете?! – А то же, что и всегда, – неожиданно ответила Тень. – Жить будем.

Ясно? Жить и бороться!

Ее глаза загорелись.

– Меня и раньше игрушкой считали. В клетке держали, забавлялись. А я выжила! И зверем не стала! Да любой солдат – игрушка своему доминанту, скажешь нет, птица? Что изменилось? А?! Что изменилось, я спрашиваю?! Ах, ужас, оказывается есть господа и у господ! Пугай кого другого, нам не привыкать! Мы-то солдатами родились!

– Да не солдаты вы... – устало бросил грифон. – Какие вы, нафиг, солдаты? Что вы вообще о войне знаете, вы, куклы из пошаговой стратегии?! – А мне хвостом, кукла я или нет, – с жаром ответила драконесса. – Хвостом! Потому что я дракон! Потому что у меня есть душа, и душу мою никогда, никакой хозяин не поработит. Смешно? Да? Плюшевый дракончик с претензиями? Ну и смейся! Сколько влезет! Я свободна, слышишь? Я мыслю, люблю, мечтаю, творю! Какая вам разница, мерзавцы, из чего я сделана?! – Тень распахнула сверкающие крылья и выдохнула в небо столб пламени. Гурд тихо улыбнулся.

– Так их, крылатка. Так их.

– Кого?!?! – возопил грифон. – Да кому есть дело до ваших гордых монологов?! Все игроки, во все времена, сюжетные вставки пропускают!!! Это не вам на них, это им на вас хвостом!!!

– Слова мои не игрокам предназначались, – грустно сказала Тень. – Жаль, ты не понимаешь. Душа, она... здесь, – драконесса прижала лапу к груди. – И не имеет значения, кем ты рожден. Драконья душа может оказаться и у червя! Ею не нужно размахивать, как флагом. Нет нужды писать о ней книги. Она или есть, или... – Тень безнадежно махнула крылом.

Глава 10

Скелтар погиб столь бессмысленно, что ракшасса до сих пор не пришла в себя. Они двигались по туннелю, тускло освещенному парочкой ламп, когда проржавевший насквозь лист металла внезапно поддался и с душераздирающим скрипом рухнул во тьму. Мр'ха, с ее кошачьей реакцией, извернулась и успела схватиться за торчавший из стены штырь; старый маг не мог похвастать такой быстротой и сумел только вскрикнуть. Мр'ха слышала тошнотворный чавкающий звук, когда тело некроманта свалилось на бетонный пол, откуда торчали зазубренные куски арматуры. Он так и остался там, внизу – Мр'ха не рискнула спуститься. Она долго стояла на краю разлома, внимая запаху крови и думая о том, что здесь, в реальном мире, смерть окончательна, и ни один маг больше не сможет воскресить старика.

Мысль была ужасной. Только теперь, оставшись одна, Мр'ха наконец осознала все, что произошло. Несколько раз ее тошнило, от слабости и страха кружилась голова. Куда она идет? Зачем? Не лучше ли вернуться в камеру, лечь головой на шипы, закрыть глаза и просто подождать, пока в игре не завершится очередной этап? Она теперь доминар, а жуткая память исчезнет после воскрешения... Как прекрасно будет вернуться в цветущий мир, не помня о смерти, не ведая о будущем!

...Только ведь будущее все равно настанет...

И Мр'ха с упорством отчаяния продолжала путь. Она карабкалась по стенам, пролезала сквозь дыры в потолке, ползла по карнизам, на цыпочках кралась мимо искрящихся, раскачивающихся кабелей. Однажды пол под ней вновь обвалился, и снова ракшассу спасла ее изумительная реакция. Мр'ха повисла на одной руке, высоко над неведомым залом, полным зеленых светящихся труб.

Тогда все и случилось:

– Хватай трос! – крикнули сверху. Мр'ха судорожно вскинула голову и заметила тонкий стальной кабель, качавшийся рядом. Ухватившись за него, львица стремительно подтянулась и, спустя минуту, оказалась в безопасности. От пережитого страха ее чуть не вырвало. – Кто ты, существо? – удивленно спросил спаситель. Это был высокий и тощий человек в оранжевой облегающей одежде,

напоминавшей кольчугу. Глаза его скрывались за толстыми линзами очков, на поясе и за спиной висели странные предметы, один из которых был подозрительно похож на арбалет. Мр'ха с громадным трудом одолела слабость и заставила себя сесть. Ее дыхание пока не восстановилось.

– Спасибо... – выдавила львица. Человек широко улыбнулся.

– Ну, раз говоришь, значит не монстр. Таких я еще не видел, ты откуда?

Мр'ха опустила голову.

– Я... Ты вряд ли поверишь.

– Поверю, – совершенно серьезно отозвался незнакомец. – Я всему верю.

Потому до сих пор и жив.

Ракшасса перевела дух.

– Я из другого мира. Оттуда, – она указала вверх.

Человек, как ни странно, совсем не удивился.

– Понятно, – сказал он просто. – Я так и думал. Что ж, рад знакомству.

Куда направляешься?

Мр'ха на мгновение зажмурилась, прогоняя образ мертвого Скелтара на дне провала.

– Я ищу отметку 97Б на уровне «ММ5», код 9992, – тихо сказала львица.

Человек присвистнул.

– Да уж. Легких путей мы не ищем... Уровень ММ5 начинается километрах в десяти к северу отсюда, отметка 97Б будет в самом конце, еще километров семнадцать.

– Километр это сколько? – спросила Мр'ха.

Незнакомец улыбнулся.

– Одна миля чуть больше полутора километров.

– Так много?! – у ракшассы закружилась голова.

– А зачем тебе именно к той отметке? – поинтересовался незнакомец. – Если нужен бинаправленный терминал, так один есть прямо здесь, за углом. – Би... что? – беспомощно спросила львица.

Человек смерил ее удивленным взглядом.

– Ясно... – незнакомец вздохнул. – Извини, проводить не смогу – дела. Иди

прямо по коридору до развилки, сверни налево и лезь в первый же люк. В полу. Терминал создает канал на поверхность. Код доступа ты знаешь. Ну, бывай! – он встал и уже направился прочь, однако помедлил. – Инструмент–то есть? – обернувшись, спросил человек.

– Инструмент? – Мр'ха растерялась.

– Люк голыми лапами не откроешь. Держи! – незнакомец бросил ей монтировку и спокойным шагом двинулся дальше. Львица долго провожала его взглядом.

Вновь оставшись одна, ракшасса собрала волю в кулак. Коридор, развилка, люк. Ей потребовался целый час, чтобы взломать замок. Внутри оказалась совершенно чистая, без следов ржавчины и пыли железная лестница, спускавшаяся во тьму. Затхлый воздух, вырвавшийся из туннеля, подсказал: люк не открывали столетиями.

В темноте ракшасса видела не хуже, чем днем. Медленно спускаясь по лестнице, она озиралась и принюхивалась, сжимая зубами бесполезную монтировку – хоть какое–то оружие... Но жизнью здесь и не пахло. Буквально.

Терминал – очевидно, это был он – нашелся быстро. Черный металлический шкаф в центре большой круглой камеры, железное кресло с ремнями, несколько проводов и... Мр'ха поперхнулась, узнав тот странный артефакт, что обнаружила феечка за минуту до встречи с Файзилом. Так вот, откуда он взялся!

На сей раз предмет не просто лежал рядом с терминалом, а был соединен с ним толстым спиральным кабелем красного цвета. Дымчатая хрустальная пластина светилась. И Мр'ха лишь сейчас, впервые, догадалась, зачем нужны мягкие рукояти, кнопки и рычажки. Нужно слово само всплыло в памяти. – Джойстик, – тихо сказала ракшасса. – Предки, это же джойстик. И тут она сорвалась. Напряжение, копившееся последними днями, рванулось наружу, сплющивая разум, уничтожая последние капли рассудка. Пав на колени, Мр'ха запрокинула голову и издала отчаянный, смертный звериный вопль. Еще ни разу в ее бурной жизни ей не было так

плохо. Долго, почти до вечера, львица бессильно валялась в пыли. Но сердце, каким-то чудом, сумело не разорваться. К тому времени, как мутная пелена спала с глаз и рассудок начал медленно возвращаться, личность Мр'хи полностью изменилась. Можно сказать, она вторично прозрела; и если первым ее учителем стал безымянный умирающий раб, то на сей раз понимание пришло само, изнутри. «Это, наверно, и есть душа» – подумала львица. И тогда она поняла, что стала живой. Да, живой – раньше Мр'ха всего лишь отыгрывала свою роль. Она поняла, что в ролевой игре нельзя жить, ибо в миг, когда роль сольется с душой, игра обратится в жизнь. Именно так и случилось.

Мр'ха в первый раз ощутила, что жестокий и несправедливый мир – там, наверху – ее дом. Не арена и не игровой уровень, а родина. И в душе львицы поднялась черная, страшная ненависть к тем, кто сидя здесь, в тепле, и сжимая джойстик, посылал на смерть ее родичей, отыгрывал их роли, компенсируя серость и мрак своей жизни чужими муками. Когда-то, в древности, их жертвы были всего лишь движущимися картинками – картинки не испытывают боли, не гибнут, не любят. Теперь же, для их потехи молоденькую Тень секли плетью в клетке. Старого волшебника швыряли на бетон и смачно, причмокивая губами от наслаждения, смотрели как дикая львица, воя от боли, секла ятаганами орды людей.

Мр'ха даже не удивилась, когда, открыв глаза, обнаружила вокруг себя десятки призрачных существ. Драконы, орки, эльфы и люди, странные существа без названий и солдаты в мундирах давно позабытых армий, роботы и птицы, пришельцы и динозавры – все были здесь. И смотрели на нее. – Я справилась, да? – спокойно спросила львица. Ответил ближайший к ней призрак – могучий дракон, сверкавший всеми оттенками ультрамарина:

– Ты живешь. Теперь – живешь.

– Вы жестоки, – сказала Мр'ха.

– Такими нас сотворили, – ответил дракон. – Мы – ваши страхи и ненависть, ваше кровавое прошлое.

Он шагнул вперед и положил светящееся крыло на плечо львицы.

– Ты победила нас. Живи и будь счастлива.

Призраки начали исчезать. Мр'ха с горечью, но без гнева, смотрела на них.

– Постой, – сказала она, когда в подземелье остался лишь синий дракон.
Крылатый обернулся.
Их глаза встретились.

Эпилог

Вновь моросил дождь. Белый фургон, поскрипывая, катился по старой дороге, усталые кони никуда не спешили. Тинфалан, лежа в кузове, тихо напевал мелодичную эльфийскую песню.

«Нет у фантазии четких границ, радуга есть, а попробуй, найди? В жизни ты можешь сменить много лиц, но от себя не удастся уйти...» – пел Тинфалан. Файзил слушал, и не хотел открывать глаза. Мягкое покачивание фургона клонило в сон, неторопливая поступь коней гипнотизировала, воскрешала давно забытые образы. Прошлое... Было ли оно? Где, с кем? Последнее время Файзил мечтал лишиться памяти, и в то же время страшился, что на ее место придет новая, более ужасная.

Теплые летние дни. Первые шаги по избранному на всю жизнь пути. Хрустально– спокойные глаза учителей, их ускользающие улыбки. Успехи, ошибки. Радости и первая, еще не жгучая, горечь утраты. Было ли все это в реальности? Где кончается ложь и начинается жизнь, где? Сейчас, зная правду, маг жестоко терзал память в поисках ответов. Но ему с трудом удавалось воскрешать детали. Помнились лишь общие картины – школа, академия, новый город – подобно пестрым ярлыкам на пустых склянках. Когда–то, возможно, полных искрящегося нектара памяти, но сегодня лишь слабо пахнущих былым ароматом.

Файзил поймал себя на мысли, что после встречи с минотавром воспринимает все окружающее сквозь толстую ватную подушку. События вокруг его не трогали, не горячили кровь, как раньше. Да и было ли «раньше»? Иногда Файзилу до того хотелось проснуться, что он едва не бился головой об землю...

Сквозь ровный шелест дождя донесся посторонний звук, заставив мага вернуться к реальности. Файзил с некоторым удивлением оглядел бурный грязевой

поток, пересекавший путь.

Футах в сорока от повозки, посреди бушующего потока, на голом камне стояла грациозная синяя львица и, улыбаясь, смотрела на человека. – Место найдется? – крикнула она.

Конец